

**ОДЕСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ
ПОЛІТЕХНІЧНИЙ УНІВЕРСИТЕТ**

**ФІЛОСОФІЯ ТА
ГУМАНІЗМ
ЗБІРНИК НАУКОВИХ ПРАЦЬ**

ВИП. 2 (2)

**Одеса
2015**

*Редакційна колегія:**Головний редактор* – Жарких В. Ю., д.ф.н., професор (Одеса)*Заступник головного редактора* – Левченко В. Л., к.ф.н., доцент (Одеса).*Члени редколегії:*

Амір Л., доктор філософії, професор (Тель-Авів, Ізраїль);

Афанасьєв О. І., д.ф.н., професор (Одеса);

Вішке М., доктор філософії, професор (Гейдельберг, Німеччина);

Гансова Е. А., д.ф.н., професор (Одеса);

Голозубов О. В., д.ф.н., професор (Харків);

Кашуба М. В., д.ф.н., професор (Львів);

Коначова С. О., д.ф.н., професор (Москва, Росія);

Окороков В. Б., д.ф.н., професор (Дніпропетровськ);

Розова Т.В., д.ф.н., професор (Київ)

Журнал засновано 2015-го року за рішенням Вченої Ради Одеського національного політехнічного університету № 9 від 24 червня 2014 року.

Друкується за рішенням Вченої ради Одеського національного політехнічного університету (протокол № 9 від 30 червня 2015 р.).

Адреса редакції – вул. Шевченка, 1, Одеський національний політехнічний університет, кафедра філософії та методології науки, гуманітарний факультет,

Одеса, 65044, Україна; e-mail: kfm.10@mail.ru

© Одеський національний політехнічний університет, 2015

УДК: 165

Олександр Афанасьєв

ГУМАНІТАРНІ НАУКИ ТА НАУКОВІ МЕТОДИ

Підходи в гуманітарних дисциплінах, які орієнтуються на класичні ідеали науковості, розглядають метод в строгому смислі, на відміну від розширювального нестрогого розуміння методу в інших підходах. Тенденція до посилення впливу строгих методів стикається з проблемою адекватності методу, подолати яку в плані зближення строгих і нестрогих підходів допоможе параметрична теорія систем.

Ключові слова: *метод, гуманітарні науки, загальна параметрична теорія систем, науковість.*

Подходы в гуманитарных науках, ориентирующиеся на классические идеалы научности, рассматривают метод в строгом смысле, в отличие от расширительного нестрогого толкования метода в других подходах. Тенденция к усилению влияния строгих методов сталкивается с проблемой адекватности метода, преодолеть которую в плане сближения строгих и нестрогих подходов поможет параметрическая теория систем.

Ключевые слова: *метод, гуманитарные науки, общая параметрическая теория систем, научность.*

Approaches in the humanities that focus on classical canons of science, consider the method in the strict sense, as opposed to the extended non-strict understanding of the method in other approaches. The trend towards increasing the influence of the first approaches to the problem is faced by the adequacy of the method, which can be overcome, in terms of convergence of strict and non-strict approaches, by parametric systems theory.

Keywords: *method, science of humanities, general parametric systems theory, scientific character.*

В теоретичних побудовах гуманітарних дисциплін термін «метод» вживається як мінімум в чотирьох смислах. По-перше, під методом розуміється чітка послідовність кроків по досягненню результату, що особливо характерно для строгих теорій класичної науки. Як правило, це раціонально заявлена і обґрунтована послідовність дій із застосуванням спеціальних засобів та інструментальних операцій. Серед загальнонаукових методів до таких належить, скажімо, метод дедукції, серед спеціальних методів – метод спектрального аналізу у фізиці або метод розкопок в археології. По-друге, метод розглядають як сукупність вимог, яка пред'являється до дослідницької діяльності і яка може бути сформульована з різним ступенем строгості і визначеності. Наприклад, художній метод розуміється досить виразно, але про суворість його

застосування говорити важко. По-третє, методом може виступати сама теорія, застосована для дослідження, де послідовність кроків досить умовна, хоча б у силу різноманіття компонентів теорії. Якщо теорія строга, то як метод вона буде відповідати класичним канонам науки, якщо ні, то вона буде методом у четвертому значенні. По-четверте, методом нерідко називають деякий підхід, що представляє собою одну або декілька ідей, а послідовність і характер дій залишається на розсуд дослідника. У деяких випадках підхід і метод чітко розрізняються, наприклад, системний підхід і системний метод, але найчастіше такої відмінності не проводять, що характерно для багатьох гуманітарних досліджень. Схоже, що в гуманітарних дисциплінах можна виявити [2] всі чотири, якщо не більше, сенсу вживання терміну «метод», які зазвичай не розрізняються. З одного боку це наслідок недостатньої розвиненості теоретичних побудов, з іншого – неусвідомлене прагнення гуманітаріїв надати статус науковості своїм міркуванням. У зв'язку з цим виникає питання: чи виправданий в гуманітаристиці термін «метод» виключно в першому сенсі або, іншими словами, наскільки можливі строгі наукові методи в гуманітарних дослідженнях? Аналіз умов такої можливості і є **метою статті**. Дана проблема актуалізується тією обставиною, що тільки в разі позитивної відповіді гуманітаристика або якась її частина може бути віднесена до розряду наук.

Чимало видатних авторів пов'язують гуманітарні науки з особливими методами, наприклад, «розуміючими». Ф. Шлейермахер вказував на необхідність співзвучності стану дослідника внутрішнього світу іншої особистості [21]. В. Дільтей особливо підкреслював роль «перенесення-себе-на-місце-іншого», емпатії, співпереживання, надаючи інтерпретації явний психологічний відтінок [9, с.145-146]. Тут метод розуміється скоріше в четвертому сенсі як деякий підхід. І хоча «методи», подібні емпатії, швидше свідчать про мистецтво дослідника, ніж містять упорядкований набір послідовних кроків, все ж відповідний рівень знань забезпечує можливість особливого «вживання» в іншу культуру. Це означає своєрідний настрій розуму і почуттів, коли дослідник розуміє, що саме знає, бачить і відчуває людина досліджуваної культури. Характерний приклад наводить У. Еко, коментуючи свій роман «Ім'я троянди»: «Одного разу на дачі ми палили багаття, і дружина докоряла мене, що я не дивлюся на іскри, як вони злітають до вершин дерев, до електричних проводів. Минув час. Вона прочитала главу про пожежу і запитала: «Значить, ти все-таки дивився на іскри?» Я відповів: «Ні. Але я знаю, як на них дивився б середньовічний чернець» [22, с.435].

Вживання в чужу культуру не може бути названо строгим методом дослідження, тим більше що в чистому вигляді воно неможливе, бо неможливо переселитися в інший час, забути про власну культуру, в якій живе і діє дослідник. Крім того, не цілком ясно, як суб'єктивне відчуття вживання і співпереживання перевести в інтерсуб'єктивну, незалежну від психологічного стану дослідника, послідовність дій, тобто тих складових методу в першому, строгому сенсі.

Іншим способом дослідження, який притаманний саме гуманітарному знанню, часто називають діалог культур. «Чужа культура тільки в очах іншої культури розкриває себе повніше і глибше ... Один сенс розкриває свої глибини, зустрівшись і зіткнувшись з іншим, чужим смислом; між ними починається немов би діалог, який долає замкнутість і однобічність цих смислів, цих культур ... При такій діалогічній зустрічі двох культур вони не зливаються і не змішуються, кожна зберігає свою єдність і відкриті цілісність, але вони взаємно збагачуються» [5, с. 334-335]. Ясно, що подібний діалог вимагає вивчення мови іншої культури, форм поведінки людей, сенсу їх символіки, тобто високого рівня знань, отримання яких вимагає чималої кількості різноманітних методів. Але сам діалог, також як і емпатія, не може бути зведений до певної послідовності пізнавальних дій.

Методи «вживання» в іншу культуру, діалогу культур не можуть бути названі науковими методами, так як не вказують ту загальнозначущу послідовність кроків, яка завжди давала б результат. Вони близькі до мистецтва, тому науковими методами їх можна назвати лише в розширювальному сенсі. Як правило, їх використовують гуманітарні концепції з нестрогими вимогами до методу, до формулювання законів. Вони обмежуються наративами, філософськими метанаративами, лінгвістичними фігурами та ін. Тут строгість методу підміняється ерудицією, інтуїцією, особливим чуттям, та іншими видатними суб'єктивними якостями дослідника.

Інші автори акцентували увагу на підходах, пов'язаних з індивідуальністю об'єктів гуманітаристики. Так народилася концепція індивідуалізуючих методів Риккерта, зокрема, стосовно історії [13, с. 44-128] і ідеографічних методів Віндельбанда, де термін «метод», по суті, означає підхід або сукупність вимог.

Більш строго виглядають герменевтичні процедури, особливо в спробах виробити конкретну методологію розуміння, наприклад в соціології, психології, антропології, без звернення до філософським узагальнень. Розробляються критерії валідності герменевтичних процедур, принципи адекватної інтерпретації та ін. Е. Бетті, наприклад,

в полеміці з Г. Гадамером намагається на відміну від філософської герменевтики надати «методологічної» герменевтиці риси строго працюючого методу. Він формулює спеціальні канони. Серед них: вимога відповідності реконструкції тексту точці зору автора і пов'язана з цим вимога автономності тексту, який володіє власною логікою; необхідність ввести в метод дослідження принцип так званого герменевтичного кола, коли єдність цілого прояснюється через окремі частини, а сенс окремих частин прояснюється через єдність цілого; канон актуальності розуміння, що припускає безглуздість повного усунення суб'єктивного чинника, оскільки для того, щоб реконструювати чужі думки, потрібно співвіднести їх із власним «духовним обрієм»; канон смислової адекватності розуміння, або канон герменевтичної змістової відповідності, спрямований на інтерпретатора, який вимагає від нього погоджувати власну життєву актуальність з поштовхом, що походить від об'єкта. У цих канонах Бетті вбачав критерій правильності та об'єктивності герменевтичної інтерпретації [6]. У подібних спробах виявляється потреба в уточненні методів гуманітаристики з метою підвищення їх суворості. Очевидно, що перше розуміння терміну метод як послідовності кроків вважається більш привабливим, хоча канони і вимоги Бетті до цього рівня не дотягують. Все ж можна констатувати усвідомлене рух у зазначеному напрямку. Бетті в таких прагненнях не самотній. Ю.Хабермас пропонує здійснити раціональну реконструкцію умов інтерпретації [18, с.51]. Е. Д. Хірш вважає можливою об'єктивну інтерпретацію літературного твору, що впливає з адекватного розуміння авторського тексту [17, с.122]. Мабуть, можна зафіксувати тенденцію гуманітаристики до обмеження терміну «метод» першим смыслом [3]. Проте іноді деякі автори, не розрізняючи різні смисли терміну «метод», не розуміючи різницю між методом і підходом, потрапляють у досить смішне становище. Так оригінальний дослідницький підхід М. Бахтіна, який використав поняття «меніппея» до творів Ф. Рабле і отримав значущі результати, використовується часом як метод. Неспроможність ототожнення підходу і методу очевидна при мінімальній методологічній грамотності. Вельми гнітючими виглядають результати «методу меніппеї» в роботах, які меніппеїзують дитячі казки про Буратіно або Мойдодира [1]. Так, в меніппеїзації «Пригод Буратіно» О. Толстого, Мальвіна виявляється цивільною дружиною Горького М.Андреевою, Буратіно – самим Горьким, ляльковий театр – МХАТом, країна дурнів – Радянською Росією і т. д. [11] Чого тут більше: непрофесіоналізму, недостатньої методологічної підготовки, нерозуміння суті підходів і методів або неадекватності їх застосування?

На думку прихильників єдиної методології, гуманітарне знання повинно бути пов'язане з загальнонауковими методами, наявність яких нібито є свідченням науковості гуманітаристики. Тут метод розуміється, як правило, в першому сенсі, тобто, як чітка послідовність дій. У цьому плані особливу групу методів становлять структурно-семіотичні методи, які претендують на наукове пояснення тексту як певним чином організованої знакової системи [10]. Привабливість такого методологічного підходу викликає до життя спроби зблизити герменевтичний та структурно-семіотичний аналіз [12]. Структурно-семіотичні методи близькі до строгого розуміння методу і разом з методами лінгвістичного аналізу (метод синхронних зрізів, дистрибутивний і трансформаційний аналіз та ін.) в цілому відповідають класичним вимогам. Вони дозволяють відповідні теорії вважати строго науковими, що практично нічим не відрізняються від природничонаукових, особливо якщо там застосовуються математичні методи.

З математичними методами свого часу пов'язувалися великі надії обнаукування гуманітаристики, адже прагнення до строгості, однозначності та інших класичних загальнонаукових критеріїв не чужі їй. Наприклад, в ХХ столітті лінгвісти усвідомили, що мова являє собою систему знакових відносин, причому байдужу до фізичній природі знаків, об'єктів і відносин. Оскільки математика також займається чистими відносинами, і природа об'єктів тут несуттєва, стало ясно, що мову можна вивчати математичними засобами. Правда, реальністю така можливість стала лише після того, як в ХІХ столітті математика стала будувати декількісні абстрактні моделі, що застосовні до більш широкої сфери, ніж відносини між величинами і просторовими формами. «Одним з результатів цієї зустрічі було виникнення нової математичної дисципліни – математичної лінгвістики, предметом якої стала розробка математичного апарату для лінгвістичних досліджень» [8].

У той же час з'ясувалося, що математичний апарат застосовується лише до стійких структур мови, а стійкі далеко не всі з них, завдяки чому мова еволюціонує. «Наша звичайна розмовна мова через властиві їй коливання і невідповідності граматичного й психологічного знаходиться в стані рухомої рівноваги між ідеалами математичної і фантастичної гармонії та у невпинному русі, який ми називаємо еволюцією» [7, с.210]. Мабуть, до подібних еволюційних процесів математичні методи не застосовні. Однак на цій підставі дорікати математиці в тому, що якісь випадки вона не охоплює, не має сенсу. Для опису властивих мові еволюцій потрібні інші, можливо, не математичні засоби. Але саме чітке з'ясування

ролі математичних моделей, і взагалі прагнення до класичного ідеалу теорії, дозволило б ясно відмежовувати в мові «фантастичне» від «математичного» і знаходити ті сфери, де потрібні інші методи.

Отже, відмічені наукові методи і теорії, як і застосовувані там математичні методи, не вирішують усіх завдань в гуманітаристиці. Остання обставина часом трактується як неможливість або істотна обмеженість можливостей строгих методів в гуманітаристиці «Ми безсилі побудувати універсальну математичну модель навіть самого «простого» і «поверхневого» явища духовної культури – явища, яке люди самі викликали до життя і все нові модифікації якого вони постійно породжують. Причина банальна: не можна сконструювати математизовану картину універсуму, яким управляє безліч відносно рівноправних деміургів; хто-небудь з них обов'язково скасує закон, встановлений іншим» [20, с.60]. Якщо це так, то строгі і несурові методи в гуманітаристиці здатні виявити різне, взаємовиключне бачення гуманітарних об'єктів. У такому разі їх можна було б розглядати як взаємодоповнюючі в дусі методологічних ідей Н.Бора. Але проблема науковості гуманітаристики з нестрогими методами залишається.

Очевидно, що чималий простір гуманітарних досліджень не покривається з різних причин математичними та іншими точними методами. Серед них не останню роль відіграє проблема адекватності методу. Вона особливо актуальна, коли методи однієї теорії використовують в рамках іншої. Адекватність методу забезпечується виконанням, принаймні, двох умов. [19, с. 26-51, 65-66]. По-перше, він повинен бути релевантним проблемам відповідної гуманітарної дисципліни, тобто відповідати смислу розв'язуваних у ній завдань. По-друге, він повинен бути дивергентним – істотно відрізнитися по використуванню засобам, тобто застосовувати чужорідну мову і способи вирішення завдань, що не збігаються з тими, які звичні для професіоналів даної галузі знання. Тут простежується аналогія з початковим використанням математики у фізиці. Однак застосування самої математики в гуманітаристиці обмежене, оскільки вона, виконуючи дивергентну умову адекватності, погано виконує релевантну. Математика не виражає чисто людські інтенціональні і телеологічні відносини і не цікавиться відносинами разом з корелятами, в даному випадку, міжособистісними відносинами [4, с.7].

Вимогам адекватності може відповідати будь-яка загальнонаукова теорія, наприклад, теорія інформації та зв'язку, теорія знакових систем та ін. – в силу свого загальнонаукового характеру. Питання тільки в тому, наскільки такі теорії виявляються адекватними і наскільки великий і

істотний масив проблем відповідної гуманітарної дисципліни вони здатні охопити.

Представляються доречними в цьому відношенні загальні теорії систем. Адже немає такої гуманітарної дисципліни, яка не говорила б про системи громадського чи особистого життя та діяльності, системи людських уявлень, системи цінностей і норм, системи соціального управління тощо. Всі вони, так чи інакше, використовують відповідну системну термінологію (поняття надійності, стабільності, центрованості, автономності, регенеративності, ізоморфізму, синтезу систем та ін.). Навіть якщо прийняти тезу В. Дільтея про те, що гуманітарні науки, на відміну від природознавства, не пояснюють, а розуміють, то і в цьому випадку процедура розуміння – це завжди цілісне уявлення об'єкта, а цілісність – одна із системних характеристик, причому така, яка може бути вимірною [16; 4, с.7].

Перевагами перед іншими теоріями систем володіє загальна параметрична теорія систем (ПТС) [15; 14], яка не тільки містить досить строгі визначення всіх згаданих понять, але й встановлює їх кореляції (закономірності), не спираючись при цьому на кількісні уявлення, не завжди цікаві гуманітаристиці. А виконуючи вимогу дивергентності, ПТС використовує формальне неklasичне числення – мову тернарного опису (МТО) [23]. У будь-якій з гуманітарних наук можна виділити системологічну проблематику, яка за допомогою ПТС і МТО може отримати адекватне уявлення і відповідні номологічні пояснення. Якщо ідеалом «гарної» науки залишається кількісний аналіз, то межа наук строгих і не дуже, зберігається, і загальна параметрична теорія систем є одним з можливих шляхів їх зближення [4].

Таким чином, у якості **висновку** можна констатувати, що різні підходи в гуманітарних дослідженнях використовують поняття «метод» у різних смислах. Ті підходи, які орієнтуються на класичні канони науковості, розглядають метод як чітку послідовність дій або використовують строгі теорії як метод. Інші концепції розглядають метод як сукупність не цілком чітких вимог, як нестрогу теорію, деякий кут зору або в іншому розширювальному сенсі, що знижує або виключає науковий статус відповідних гуманітарних знань. Тенденція до розширення впливу перших підходів стикається з проблемою адекватності методу, подолати яку в плані зближення строгих і нестрогих підходів допоможе параметрична теорія систем.

1. Адуев В. Истинное содержание произведения К. Чуковского Мойдодыр. – Режим доступа: <http://www.chukfamily.ru/Kornei/Biblio/Aduev.htm>.

2. Афанасьев А. И. Гуманитарное знание и гуманитарные науки: Монография / А. И. Афанасьев. – Одесса: Бахва, 2013. – 288 с.
3. Афанасьев А. И. Научные методы в гуманитаристике // Вісник Дніпропетровського університету. Науковий журнал №9/2. Т.20 – Серія: Філософія. Соціологія. Політологія. – Випуск 22 (2). – Дніпропетровськ: ДНУ, 2012. – С.253-258.
4. Афанасьев А.И., Цофнас А.Ю. Научный статус гуманитарного знания // Науковий вісник Чернівецького університету: Збірник наук. праць. Випуск 561-562. Філософія.– Чернівці: Чернівецький нац. ун-т, 2011. (263 с.). – С.3-8.
5. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 482 с.
6. Бетти Э. Герменевтика как общая методология наук о духе. – М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2011. – 144 с.
7. Выготский Л.С. Мышление и речь // Собр. соч.: В 6 т.– Т. 2. – М.: Педагогика, 1982. – С. 5-361.
8. Гладкий А.Ф. Размышления о взаимодействии лингвистики и математики // <http://elementy.ru/lib/164549>
9. Дильтей В. наброски к критике исторического разума // В. Дильтей наброски к критике исторического разума.– Вопросы философии. –№4. – 1988. – С. 135-152.
10. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. – СПб.: Искусство – СПб, 1998. – С.14–288.
11. Маслак П. и О. Народный учитель страны Дураков. – Режим доступа: <http://burik.com.ru/?p=298>
12. Рикёр П. Что меня занимает последние 30 лет // <http://philosophy.ru/library/gicoeur/last>.
13. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. – М.: Республика, 1998. – 413 с.
14. Уёмов А.И., Сараева И.Н., Цофнас А.Ю. Общая теория систем для гуманитариев. – Warszawa: Uniwersitas Rediviva, 2001. – 276 с.
15. Уёмов А. И. Системный подход и общая теория систем. – М.: Мысль, 1978. – 272 с.
16. Уёмов А.И., Штаксер Г.В. К проблеме построения измерительной шкалы для определения степени целостности систем // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 2002. – М.: Едиториал УРСС, 2002. (400 с.). – С. 7- 33
17. Фортунатова О.В. Герменевтический метод Э.Д. Хирша // Культура народов Причерноморья. – Том 39. – Филологические науки. – С. 119-123.
18. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: 2000. – 140 с.
19. Цофнас А.Ю. Теория систем и теория познания.– Одесса: Астропринт, 1999. –308 с.

20. Шапир М.И. «Тебе числа и меры нет». О возможностях и границах «точных методов» в гуманитарных науках // Вопросы языкознания, 2005. – № 1. – С.43-62.
21. Шлейермахер Ф. Герменевтика. – СПб.: Европейский дом, 2004.– 242 с.
22. Эко У. Имя розы. – М.: Кн.палата, 1989. – 496 с.– с.435.
23. Uyemov A. I. The ternary description language as a formalism for the parametric general systems theory: Parts 1-3 // International Journal of General Systems. – 1999, vol. 28 (4-5); 2002. – Vol. 31(2); 2003. – Vol. 32(6).

УДК 165

Виктор Ополев

ФЕНОМЕН МЫШЛЕНИЯ В ПЕРСПЕКТИВЕ ИДЕАЛА ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Статья вторая

Спираючись на три точки зору або трактовки раціональності, сформульовані у попередній статті під тією ж назвою, розкриваються передумови та умови раціональності мислення. Мислення при цьому розглядається як особливий об'єкт пізнання та організації.

Ключові слова: мислення, раціональність, прийняття рішень, рефлексія, пізнання.

Опираясь на три точки зрения или трактовки разума, сформулированные в предыдущей статье с тем же названием, раскрывается ряд предпосылок и условий рациональности мышления. Мышление при этом рассматривается как особый объект познания и организации.

Ключевые слова: мышление, рациональность, принятие решений, рефлексия, познание.

Leaning against three points of view or the treatments of reason formulated in previous article with the same name, a number of preconditions and conditions of rationality of thinking reveals. The thinking is thus considered as special object of knowledge and the organisation.

Keywords: thinking, rationality, decision-making, a reflexion, knowledge.

Человек – существо, стремящееся быть разумным.

Природа подчиняется законам, которые она нарушить не в состоянии. И это делает ее познаваемой и предсказуемой, говоря иначе, рациональной – отвечающей основным требованиям разума. В этом заключается одна главных мировоззренческих установок естественнонаучного познания [2; 13]. Цель настоящей статьи – показать те предпосылки и факторы, которые делают рациональным человеческое мышление, в том плане, который сближает его с объектами, изучаемыми естественными науками. Эти факторы разнообразны, поэтому в данном случае речь пойдет только о некоторых из них. Но вместе с тем в статье намечается перспектива и обозначается путь дальнейших исследований. Мышление при этом понимается не только как индивидуальный, но и как коллективный (общественный) феномен [11]. Методологической основой исследования рациональности его выступают при этом три основные трактовки разумности, охарактеризованные мною ранее [6].

Большая часть используемой здесь терминологии, кстати сказать, была нами взята как наиболее часто употребляемая в соответствующих контекстах, но она отнюдь не является единственно возможной.

Рациональность мышления: поиск оснований

Две из указанных выше трактовок разумности, которые мы различаем, используя для этого термины «свойство» и «способность», будучи включенными в «стихию» научного мышления, в некоторых достаточно типичных для современной исследовательской практики ситуациях оказываются существенно *взаимосвязанными*. Эта взаимосвязанность заключается в том, что они, *во-первых*, начинают взаимно обуславливать одна другую, теряя при этом свою, так сказать, изначальную обособленность и характерную для них специфику, *во-вторых*, их взаимодействие детерминирует появление определенных изменений и процессов в методологическом самосознании как науки в целом, так и отдельных научных дисциплин. Но происходит все это именно под воздействием известных ситуаций, условия возникновения и характер протекания которых мы теперь и рассмотрим.

Понимание рациональности, как возможного свойства вещи, может быть отнесено ко всему, что существует, и что в принципе может стать в тех или иных условиях объектом познания. Трактовка же ее в качестве способности, напротив, связывается только с некоторыми, определенными сущностями: речь в данном случае идет о мышлении, действиях, поведении или о духовности вообще. Однако эти, последние, могут рассматриваться также и в плане присущей им устойчивой, законосообразной организации (формы), что относится к предпосылкам и условиям их познаваемости. Таким образом, одна и та же вещь может определяться как разумная или неразумная с точки зрения двух различающихся интеллектуальных позиций. При этом данные позиции, будучи отнесенными к одному и тому же объекту, нередко, как это, скажем, хорошо известно в связи с науками о мышлении и поведении людей, оказываются в той или иной степени в отношениях несовместимости, в логическом смысле либо в каком-то ином. Например, в хорошо известном и подробно описанном в литературе отношении так называемой несоизмеримости.

Утверждая это, мы имеем в виду следующее. Разумность, понимаемая в качестве способности, во многих случаях оказывается тем фактором, который разрушает устойчивость формы и законосообразность того явления (процесса или объекта), к которому она оказывается «причастна». Если ее саму в свою очередь рассматривать в качестве особого объекта познания, то она в этом случае сближается по некоторым характеристикам со случайностью и даже хаосом, то есть теми сущностями, которые менее всего отвечают, как принято считать, идеалам и нормам в первую очередь

естественных наук и базирующейся на них теории и методологии познания. В этом – одна из причин тех трудностей, с которыми постоянно сталкиваются науки «о духе», и та основа, благодаря существованию которой возникают различные виды агностических выводов и методологического скептицизма.

Вместе с тем науке известны, по меньшей мере, *два* пути, следуя по которым ученые пытаются преодолевать указанное затруднение. *Первый* из них связан с поиском или конструированием таких форм устойчивости и типов связей изучаемого объекта, используя которые можно было бы игнорировать фактор сознания. В качестве примеров в этой связи можно указать на такие направления исследований – как бихевиоризм в психологии, метод «черного ящика» в кибернетике, различные варианты, предусматривающие отказ от изучения единичных объектов в пользу рассмотрения массовых событий, подходы к изучению человека и общества, связанные с механицизмом и социальной физикой, методологию, требующую сведения целевых описаний к каузальным и др.

Второй путь, представляющий для данного исследования особый интерес, основывается на предпосылке прямо противоположной исходному предположению, или презумпции, первого. Здесь уже разумность понимается как фактор, не разрушающий устойчивость формы некоторого явления, а, наоборот, существенным образом определяющий ее. Хорошим примером реализации этого подхода, анализ которого позволит нам далее сделать некоторые выводы, может служить представление об оптимальном (рациональном) выборе [8; 12], известное уже в античности [5; 14] и широко используемое в современной науке. Выбор в этом случае предстает как достаточно жестко определенная интеллектуальная структура и соответствующая процедура ее преобразования, поддающиеся исчерпывающему (в смысле достаточному для реализации фиксированных целей) описанию. Это описание в виде обязательных элементов должно включать, *во-первых*, знание всех возможных способов действия, иначе говоря, альтернатив, которыми располагает принимающий решение субъект, *во-вторых*, наличие определенных методик оценки каждого из них и сравнительного сопоставления альтернатив между собой по этим основаниям и, *в-третьих*, знание критериев оптимальности, по которым должен быть выделен один (или в некоторых случаях несколько) из существующих вариантов действий и принят в качестве решения, т. е. плана, подлежащего последующей реализации.

В течение не одного столетия эпизодически возникают дискуссии по поводу того, в какой степени данная модель выбора и принятия решений соответствует реальному мышлению и действиям отдельных людей или коллективов. Среди тех, кто усматривает здесь наличие существенной связи, одни считают, что решения, по крайней мере, в большинстве случаев, принимаются на практике по указанной выше схеме. Иными словами, эта модель выбора имманентно присуща поведению и организации мышления людей, если это происходит в обычных, а не в аномальных условиях. По мнению других, в этом случае хотя и имеется определенная и достаточно существенная связь, однако она носит (всего лишь) *нормативный* по своей природе характер. А это значит, что разрабатываемые на основе указанного представления теории (а их к настоящему времени существует довольно много в математике и логике) могут быть рекомендованы или предложены с той или иной степенью условности в качестве средства для разработки реальных решений. Известны аргументы, в том числе и философского плана, обосновывающие правильность рассматриваемой модели выбора, и разработаны способы внедрения соответствующих теорий в практику. Как считает, например, Г. Райфа, функции специалиста по принятию решений – «аналитика» – заключаются в том, что он «помогает организовать и структурировать мыслительный процесс принимающего решение» [7, с. 342]. Помогать в данном случае подразумевает также и возможность предписывать, нормировать, определенным образом обуславливать, влиять и т.п.

Однако независимо от того, каким именно образом рассматриваемая модель выбора оказывается присущей реальному мышлению – происходит ли это потому, что такова его «природа» или здесь срабатывают какие-то культурные механизмы, либо даже некоторого рода субъективные устремления – оно (мышление) в результате приобретает такие черты как *устойчивость, упорядоченность и законосообразность*. В результате возникает именно та форма, которая отвечает важнейшим требованиям методологии научного познания и делает соответствующий объект рациональным. Рациональным в том смысле, который отвечает первой из охарактеризованных выше трактовок разумности, а именно – разумности, или же рациональности, как особому свойству или характеристике, которое может быть присуще определенному роду вещам или процессам. Если же эта форма имеет место и она известна в общих существенных чертах, то возникает важнейшая предпосылка, способная обуславливать устойчивые изменения, как в самой практике

соответствующей духовной деятельности, так и в ее регулятивных основаниях.

Прежде всего, выработка решений становится для того, кто их принимает, систематической, контролируемой, осознанной, воспроизводимой и универсально осуществимой процедурой, методика которой к тому же поддается объективации. Последнее означает, что помимо самого решения как плана действий могут быть представлены на «публичный суд» – коммуницированы – и его основания. Кроме того, само принятие решений в качестве субъективной деятельности может в этих условиях подвергаться систематической рационализации, т.е. совершенствоваться на основе специальных знаний и преемственности интеллектуальных традиций. Другими словами, возникает культурный процесс, благодаря которому способность принимать решения, можно сказать, перестает быть прерогативой индивидуального мастерства и таланта и превращается в науку. Все это в определенном смысле улучшает соответствующую деятельность и может служить одним из оснований для внедрения рассматриваемой модели выбора в практику принятия решений. Хотя в то же время не устраняется все же и риск того, что вырабатываемые таким образом планы действий могут оказываться в известных ситуациях не самыми лучшими. В качестве недостатков в этой связи указывают обычно на отсутствие у такого рода планов действий, т.е. решений, принципиальной новизны, а в процессах принятия и выработки решений – творчества, на то также, что исходный круг альтернатив, на которых основывается выбор, может не охватывать все в действительности существующие возможности и т.п.

Вместе с тем устойчивость и законосообразность формы, которую приобретают мышление и поведение в результате указанного выше процесса, относятся к условиям, определяющим возможность их научно-теоретического познания. Речь в данном случае идет уже не о том, что мышление, как и все, что существует, доступно познанию, в смысле соответствующего философско-мировоззренческого постулата о познаваемости мира, решающего эту проблему, что называется – в принципе, а о чем-то существенно большем. Теперь уже имеется в наличии тот идеальный объект (теоретическая схема), в горизонте которого это мышление может стать предметом систематического научного исследования. Другими словами, требования научной методологии становятся в этом случае реализуемыми и могут быть получены знания, позволяющие, скажем, прогнозировать изменения соответствующего объекта. Вместе с этим открываются также перспективы для решения комплекса технических задач, относящихся к

сфере разработки искусственного интеллекта, автоматизации управления и др.

В результате, как мы видим, здесь возникает ситуация, в которой две, в достаточной степени независимые одна от другой, области человеческой практики – принятие решений как некоторая духовная деятельность в своем, так сказать, имманентном существовании, с одной стороны, и научное познание и связанная с ним сфера технических реализаций, с другой, – оказываются существенно *взаимозависимыми*. В этой взаимозависимости нам стоит выделить *два* существенных момента.

Первый из них, одна из участвующих сторон, а именно научная практика, оказывается «заинтересованной» в том, чтобы другая реализовалась через определенные формы. В итоге эти формы или какие-то их черты приобретаются духовной деятельностью не столько за счет ее самостоятельного имманентного развития, связанного с выполнением ею определенных функций, но прежде всего под воздействием некоторого *внешнего* для нее фактора.

Второй – идеальный объект, являющийся важным конструктивным элементом познавательной деятельности, и та форма, посредством которой осуществляется процесс принятия решений, оказываются содержательно тождественными. Иначе говоря, человеческая практика в определенных, по крайней мере, ее аспектах в данном случае *подстраивается* под существующую теорию – теорию, которая должна была бы эту практику, согласно основным постулатам научного (или, точнее, естественнонаучного) метода, ее только *отобразить*. Последнее, правда, имеет место не всегда, но это достаточно типично для соответствующих сфер духовной практики и обычно считается само собой разумеющимся. В наличии такого рода возможности как раз и заключается одно из существенных отличий «природы» объектов гуманитарного познания от объектов, изучаемых собственно естественными науками. Рациональность первых нередко создается людьми и имеет искусственное происхождение, хотя эта искусственность не всегда и осознается, в то время как вторых – дана, что называется, от бога.

Влияние рефлексии

Существование указанных выше связей, их постоянное воспроизводство в деятельности, естественно, приводит к сближению соответствующих видов духовной практики. Подобное сближение характерно, однако, не только для сферы принятия решений. Можно было

бы рассмотреть некоторые другие представления, взятые из различных разделов логики, методологии научного и технического творчества, психологии, теоретического языкознания и т.д., и прийти к аналогичным выводам. Учитывая это, можно говорить уже о том, что имеет место определенное влияние методологии научного познания в качестве специфической формы деятельности (точнее было бы сказать, естественнонаучного познания, то есть того, которое направлено на природные, чувственно воспринимаемые объекты) на организацию и способы осуществления определенных аспектов духовной деятельности в целом.

Параллельно изменениям, которые происходят на уровне практики и определяются на первых порах лишь тем, что нечто может быть реализовано, начинают формироваться и соответствующие им и, по сути, производные от них регулятивные основания. Формирование и закрепление этих последних – процесс, имеющий свою «логику», которая обуславливается, в частности, сложившимися культурными формами, присущими также и далеко не в последнюю очередь *рефлексивной* сфере сознания. В этой сфере складываются структуры, фиксирующие изменения духовной практики, однако соответствующее «изображение» имеет достаточно специфический вид. Прежде всего, те новообразования, которые в деятельности лишь формируются, на уровне рефлексивного отображения подвергаются идеализации, приобретают всеобщий и необходимый характер и перед ними, можно сказать, открываются «космические» перспективы. Строится «картина мира», в рамках которой соответствующие представления, относящиеся к составу регулятивных оснований мышления, остаются без каких-либо альтернатив. Таково одно из направлений, или тенденций, развития, присущих методологической рефлексии во многих, если не во всех областях специализированного мышления. Это направление, предельно упростив, можно свести к следующему положению: *от простой констатации и описания – к обоснованию философскими средствами и, соответственно, к последующей абсолютизации.*

Вместе с тем такого рода «рефлексивное воспроизведение» осуществляется, как правило, на основе превращенных форм знания и оказывается не прямым, а всего лишь, что называется, косвенным. Действительные истоки методологических новообразований остаются при этом не выявленными, а участвующие во всем этом процессе образования сознания начинают преобразовываться и существовать в рамках эпистемы предметного мышления. Здесь же формируется представление об определенных сущностях, или вещах, бытие которых

объективно и которые обуславливают содержание этих образований. Соответствующее мышление сознательно строится как оперирование этими квазипредметностями. На это обстоятельство, по всей вероятности, впервые обратил особое внимание И.Кант: регулятивные идеи, действительный смысл которых заключается в организации мышления, в научной деятельности обычно соотносятся с некоторыми представлениями, благодаря которым они получают статус предметного знания, и, вместо того, чтобы подчиняться «дисциплине чистого разума», попадают в формальную «юрисдикцию» рассудка. Таковы достаточно характерные условия, в которых происходит становление методологических оснований научной деятельности. Обуславливается это развитие в значительной мере изменениями, относящимися к уровню соответствующей духовной практики, а в рефлексивной сфере при этом доминирует установка, ориентирующая сознание на нечто другое, на поиск и описание некоторых предметных (или, как мы уже выяснили, квазипредметных) сущностей.

В связи со всеми этими процессами могут наблюдаться изменения в рамках соответствующих методологических исследований, связанные с постановкой новых проблем, трансформацией смыслов используемых понятий и др. Обычно все это воспринимается как естественное развитие знаний в направлении их конкретизации и углубления. Однако в нашем случае причина в другом: меняются те «подземные воды», которые питают и, в конечном счете, обуславливают содержание методологической рефлексии на всех ее уровнях. Все это не исключает, конечно, и того, что на нее при этом оказывает влияние и целый ряд других факторов – социальных, культурных и т.п. Но эти последние в большей степени определяют не столько содержание регулятивных оснований мышления, сколько, так сказать, их внешний вид (форму), и, возможно, также в какой-то мере характер протекания рефлексивных процессов и частично, по всей видимости, некоторые механизмы самой рефлексии.

Взаимопроникновение подходов

Рассматриваемые нами в настоящем исследовании различные точки зрения на природу разумности представляют собой, помимо прочего, рефлексивные образования, воспроизводящие и фиксирующие определенные черты, присущие двум различающимся, хотя и в определенных отношениях связанным, сферам духовной практики. Идеализации, выражающие существо этих точек зрения, вырабатывались тогда, когда эти виды деятельности развивались в достаточной степени

обособленно. В каждой из них культивировался свой способ мышления, и складывалось отвечающее ему самосознание.

Определенные характеристики каждого из этих способов мышления – те из них, которые, по-видимому, оказались наиболее устойчивыми и универсальными, – получили отображение в сознании в виде определенных идеализаций, которые при этом осваивались также посредством философских теорий и т.д. Но нас в данном случае, прежде всего, интересуют их методологическая и, можно сказать, конституирующая роли. В этом смысле подобные образования сознания, с одной стороны, выражают некоторый «предел», то есть фиксируют определенное представление или положение, за рамки которого мысль, постигающая известную область существующего, не может или не должна выходить. С другой – эти же образования «задают» одну из «сторон», или границ, определенного пространства мышления, иначе говоря, сферы, объединяющей все возможности последующих конкретизаций и развития мысли. Указанные идеализации – это те интеллектуальные основания, на которых строятся сознательные, целенаправленные действия в той или иной области. И в той мере, в какой эти действия охватываются подобного рода образованиями, пронизываются ими, соответствующие виды деятельности и могут быть целенаправленными.

Разумность, понимаемая в качестве свойства, в идеализированном виде выражает вместе с тем некоторую предпосылку, обуславливающую также возможность познания соответствующих объектов в качестве «внешних», иначе говоря, полагаемых – мыслимых – именно таким образом. При этом подразумевается обязательная реализуемость методологического разграничения субъективного и объективного. Разумность в данном понимании может характеризовать только второе. В то же время разумность, трактуемая как способность, указанным обстоятельством, к примеру, уже не обуславливается. Здесь предполагается лишь возможность получения определенных результатов посредством субъективных усилий, за счет некоторой достаточно широко понимаемой человеческой деятельности (если речь в данном случае идет, конечно, о людях). Соответствующая совокупность базовых идеализаций в этих условиях уже не предполагает обязательную постановку вопросов о том, какова эта деятельность «в себе», за счет каких механизмов она осуществляется, почему она происходит, что ее формирует и т.д. Подобные проблемы могут возникать только в процессе последующих конкретизаций, осуществление которых требует привнесения в соответствующую сферу каких-то дополнительных интеллектуальных средств.

Под воздействием описанного выше процесса сближения двух сфер духовной практики, а точнее сказать, в рамках последнего, соответствующие идеализации и связанные с ними точки зрения, касающиеся природы рациональности, также начинают сближаться и даже переходить одна в другую. В итоге возникают интеллектуальные структуры, способные направлять уже несколько по-другому постановку соответствующей проблематики и влиять на характер ее разработки. Если же эти структуры за счет, к примеру, рефлексии абсолютизируются, т. е. получают статус предельных идеализаций и в этом качестве начинают функционировать, то изменяется и то, что выше было названо пространством мышления. Применительно к нашему случаю оно «сужается», становится, может быть, более определенным, зато теряет в плане заключенных в нем степеней свободы, открытости в сторону возможных модификаций и творчества.

Специализированное мышление в свете идеала естественнонаучной рациональности

Представление о рациональности мышления, присущее методологическому самосознанию современной науки, рядом своих специфических черт обязано, как нам представляется, именно такого рода процессу. При этом имеются в виду, прежде всего, не рациональность или иррациональность как характеристики самого научного (или какого-либо другого) мышления, а ту идею исоответственно идеал, на основе которых ставятся релевантные вопросы и ищутся на них ответы. Попробуем теперь эксплицировать некоторые из тех идеализаций, которые лежат в основе соответствующей интенциональности современных методологических размышлений, и поставим вопрос об их происхождении.

Результаты исследований стандартов рациональности в философии науки всегда являются в известной степени выражением компромисса между основаниями указанной интенциональности, выступающими здесь в роли «скрытых» требований, и известными на данный момент фактами, касающимися собственно научной деятельности. Ориентация на подобный компромисс – одна из особенностей нормативных подходов в современных научных исследованиях. Принято считать, что нормы должны быть все же по возможности конструктивными, а не утопическими. Однако чтобы обнаружить те презумпции сознания, которые «задают» интеллектуальную «рамку» этих исследований, проблеме необходимо поставить в некоторой иной, теперь уже

сверхнормативной плоскости: так примерно, как это делалось в классической философии, когда речь шла о божественном разуме. Методология современных исследований разумности, по существу, исключила из числа своих средств подобные «идеализирующие» модели рассуждений, заменив их теми, которые определяются принципом реальности, и утратила вместе с этим известные возможности рефлексивного контроля над своими собственными основаниями.

Чтобы хоть в какой-то мере реализовать то, что мы здесь наметили, можно воспользоваться приемом, позволяющим осуществить требуемое исследование, не прибегая при этом к чему-то особенно таинственному или хотя бы принципиально новому и исключительному. Встав на позиции современной философии и методологии науки, попробуем вообразить себе научное, а в более широком плане любое специализированное мышление, которое было бы *предельнорациональным*. Это можно сделать, если отвлечься, в частности, от представлений обо всех тех факторах, которые ее в действительности ограничивают. Такое предельно рациональное мышление должно было бы обладать, вероятнее всего, по меньшей мере, следующими характерными особенностями, или чертами.

1. В самом общем виде это мышление можно определить, как духовную деятельность, реализующуюся через вполне определенную *форму* (как мы видим, в данном положении объединяются два хорошо известных нам понимания разумности). Этой форме должны быть присущи такие характеристики, как *порядок, устойчивость, воспроизводимость* и т.п.

2. Указанная форма должна при этом *охватывать и связывать* между собой все существенные компоненты соответствующего мышления. Благодаря этому устанавливается определенная *законосообразность*, которая затем может быть познана и наличие которой делает само познание соответствующего феномена (т.е. мышления как известного рода процесса и деятельности) *принципиально возможным*. Смысл рациональности в данном случае заключается прежде всего в обеспечении самой возможности определенного рода познания, вне зависимости от того, в каких формах она будет в тех или иных условиях реализована.

3. Рациональное мышление не может быть непосредственным и спонтанным, напротив, оно всегда должно быть *опосредованным*. Если говорить конкретнее, то применительно к рассматриваемому случаю (т.е. прежде всего к науке) оно всегда обязано быть *осознанным, обоснованным, в том числе, как считают многие, эмпирически подтвержденным, целенаправленным, сознательно контролируемым*. Это касается, если и не всех, то по крайней мере большей части его

наиболее существенных аспектов. Тотальность упомянутой выше формы создает в данном случае необходимое условие для этого. Но, что здесь принципиально важно, так это то, что одним из главных, если и не единственным в определенных условиях фактором, обуславливающим наличие указанной выше законосообразности или, иначе говоря, устойчивой и связной (рациональной и умопостигаемой) формы, оказывается сама эта осознанность. Существенным же элементом данной осознанности является как раз методологическая рефлексия, полагаемая в данном случае в качестве структурного компонента соответствующего мышления или духовного процесса.

4. И, наконец, последнее: допускается принципиальная возможность искусственного воспроизведения такого рода мышления, технического осуществления его на основе знания [9] и, вероятно, – но это уже более сильное утверждение – можно предположить, что формы и организация, присущие такому мышлению, могли бы произвольно проектироваться субъектом соответствующей деятельности.

Заклучение

Указания на эти четыре особенности предельно рационального мышления достаточно для того, чтобы сделать некоторые выводы. Нетрудно заметить, что первые три из этих характеристик происходят, если можно так выразиться, из опыта естественнонаучного познания мира. Согласно этой точке зрения, если ее выразить суммарно, рациональным оказывается все (и прежде всего интересующее нас мышление как центральный объект всякой рефлексии), что имеет основание, придающее тому, что воспринимается в качестве рационального, законосообразность, устойчивость, воспроизводимость, а также по возможности или точнее в зависимости от набора определенных условий целесообразность и обоснованность. Четвертая же из указанных характеристик – трансформированный элемент технического мировоззрения. Кстати, понимание разумности как искусственного объекта проявляется не только в области разработок, связанных, скажем, с компьютерным моделированием мышления, но его достаточно отчетливые следы можно встретить и в методологических исследованиях науки. Вместе с тем все эти характеристики относятся к основам, определяющим известную направленность, присущую методологическому самосознанию науки, и объективируются они в нем в виде проблематики, связанной с феноменом рациональности. Учитывая сказанное, можно утверждать, что все это движение мысли есть, по

существо, лишь форма (или, возможно, только одна из такого рода форм), в которой происходит проникновение естественнонаучной и технической методологии в вполне определенную сферу духовной культуры. Однако эта область – рефлексия, – являющаяся элементом структурной организации любой деятельности, в том числе естественнонаучной и технической, всегда представляет в ней так называемое «человеческое измерение», о чем уже немало написано в философской и методологической литературе. В связи с этим в рамках того аспекта проблемы рациональности, который мы рассмотрели, обнаруживается одно из направлений сциентизации методологического самосознания науки – явления в целом более широкого и в то же время достаточно характерного для ее современного состояния.

Что же касается самого феномена рациональности, то он, конечно же, достаточно многомерен. Мы попытались в данном случае только вскрыть некоторые его истоки и показать связанные с ними тенденции, не претендуя в то же время на окончательные и сколько-нибудь радикальные выводы.

1. Вейценбаум Дж. Возможности вычислительных машин и человеческий разум. От суждений к вычислениям.– М.: Радио и связь, 1982.– 368 с.
2. Гуманитарная наука как предмет философско-методологического анализа (материалы “круглого стола”) //Вопросы философии. 2007. №6.– С. 57-82.
3. Дрейфус Х. Чего не могут вычислительные машины. Критика искусственного разума.– М.: Прогресс, 1978.– 334 с.
4. Культура и рациональность. Интервью с А.В.Смирновым // Вопросы философии. 2007. №1.– С. 16-25.
5. Ополев В.Т. Парадигма оптимальности: античные истоки / Докса. Збірник наукових праць з філософії та філології. Вип.8. Грецька традиція в сучасній культурі.– Одесса: ОНУ ім. І. І. Мечникова, 2005. – С. 16–22.
6. Ополев В. Т. Феномен мышления в перспективе идеала естественнонаучной рациональности.– В печати.
7. Райфа Г. Анализ решений. – М.: Наука, 1977. – 407 с.
8. Рузавин Г.И. Теория рационального выбора и границы ее применения в социально-гуманитарном познании //Вопросы философии. 2003. №5.– С. 57-70.
9. Системно-кибернетические аспекты познания.– Рига: Зинатне, 1985.– 324 с.
10. Смирнов А.В. Соизмеримы ли основания рациональности в разных философских традициях //Вопросы философии. 1999. №3.– С168-188.
11. Тулмин Ст. Человеческое понимание.– М.: Прогресс, 1984.–327 с.

12. Фоллесдаль Д. Понимание и рациональность //Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. Логический анализ естественного языка.– М.: Прогресс, 1986. – С. 139-159.
13. Хьюбнер К. Критика научного разума.– М.: Институт философии РАН, 1994.– 326 с.
14. Черняк В.С. Мифологические истоки научной рациональности // Вопросы философии. 1994. №9.– С. 37-52.

УДК 165

Владимир Жарких

КОРРЕЛЯЦИЯ СМЫСЛОВ В ПОНЯТИЯХ «КОММУНИКАЦИЯ-ОБЩЕНИЕ»

Статья посвящена анализу змін глибинного змісту в співвідношенні понять в дихотомії «комунікація/спілкування» та їх впливу на розвиток сучасної культури.

Ключові слова: комунікація, спілкування, інтернет, ілюзія спілкування, ідентичність особистості.

Статья посвящена анализу изменений глубинного смысла в соотношении понятий в дихотомии «коммуникация/общение» и влияния на развитие современной культуры.

Ключевые слова: коммуникация, общение, интернет, иллюзия общения, идентичность личности.

The article is devoted to the analysis of deep structure semantic changes of sense correlation in the dichotomy «communication/intercourse» and their influence on the development of modern culture.

Keywords: communication, intercourse, internet, illusion of intercourse, personal identity.

Коммуникация, являясь как продуктом информации, так и обменом ее значениями посредством символов и знаков, представляет собой главный инструмент, способствующий пониманию характера изменений в человеческом поведении. Являясь основным свойством всех объектов объективного мира, коммуникативные процессы пронизывают все уровни человеческого бытия в рамках межличностных отношений и взаимоотношений между организациями и обществами. Неслучайно, поэтому, коммуникация находится в фокусе внимания специалистов разного направления. Вместе с тем, в настоящее время согласия относительно параметров коммуникации как области человеческого знания не существует [1.28], что проявляется в самом обозначении предмета исследования.

Термин «коммуникация» нередко употребляется как синоним термину «общение» [1.49]. Однако существующие между ними семантические и функциональные различия позволяют определить их только как сопредельные, но не взаимозаменяемые, понятия. Это пересекающиеся, но не тождественные понятия.

Коммуникация представляет собой средства связи любых объектов материального и духовного мира, передачу информации от одного субъекта (объекта) к другому. Как социально обусловленный процесс передачи информации в человеческом обществе коммуникация

определяется системой ценностей, сформировавшихся в конкретных условиях социального опыта и деятельности и технологическими способами их доставки. Информационный импульс может быть направлен неограниченному количеству объектов коммуникативного процесса, от которых необязательно требуется непосредственная/опосредствованная реакция или личное участие. Коммуникация представляет собой процесс одного направления. В нем фактически действует один участник. В каждый отдельный момент коммуникативного воздействия одна сторона кодирует, передает, выражает, сообщает информацию. Она же ее и декодирует, избирательно акцентируя элементы ее содержания. Источник информации при этом является единственной силой, принимающей решение об ее содержании, оценке, представлении и кодировании в сообщении. Коммуникация является своего рода посредником между индивидуальной и общественно-значимой информацией, благодаря которому индивидуальный процесс ее передачи и восприятия переводится в социальный механизм персонального и массового воздействия. Концепция эффектов коммуникации ориентирована на долгосрочное воздействие определенного источника информации на обобщенного получателя сообщения, от которого не требуется немедленной реакции. Обратная связь, если и предполагается, является отложенной, она не направлена непосредственно к источнику информации.

Общение как обмен знаковыми сообщениями [1.64] обладает совершенно иными характеристиками. Это двунаправленный процесс, требующий незамедлительной реакции. В процессе однонаправленной коммуникации деформируется само понятие общения, базисный смысл которого состоит в двустороннем движении информации. Общение предполагает межличностное взаимодействие при обмене информацией познавательного и эмоционального характера, требующее непосредственного, предпочтительнее, немедленного включения в этот процесс. Основной функцией общения является контакт, преимущественно личный, который призван удовлетворить потребность во взаимодействии с партнером и воздействии на него. Общение означает взаимообмен сообщениями, влияние, согласование, диалог, потенциальный или реальный конфликт. Цель общения состоит в получении немедленной реакции на сообщение. Процесс общения является личным, индивидуальным, эмоционально окрашенным взаимоотношением людей. В контексте общения создаются и воссоздаются параметры общности людей, объединяемых исторически сложившимися устойчивыми социальными и духовными связями. В нем

отражается настоятельная необходимость и потребность человека в обмене смысловой и оценочной информацией в целях взаимодействия в различных сферах своего существования.

Характер процесса коммуникации, как и формы межличностного общения, представляет собой историческое явление. По мере развития человеческой цивилизации меняются социальные, политические, технические и морально – этические условия его протекания и функционирования. Вместе с этим меняется и его статус в жизни общества. Его формы совершенствуются, его функции усложняются, сферы его применения расширяются. С появлением электронных форм коммуникации коммуникативные процессы вышли на новый уровень понимания. Оно конструируется социально в процессе координации типов жизненных отношений. Информация стала не только универсально доступной, но и в определенной степени обезличенной. Скорость обмена значимыми сообщениями возросла настолько, что создаются совершенно уникальные возможности осознания реальности не только в ограниченных рамках тех или иных общностей, но и в глобальном масштабе. Все это способствует превращению процесса коммуникации в своего рода социально-политический институт жизни всего мирового сообщества.

Новые возможности, возникшие благодаря последним технологическим достижениям, непрерывная коммуникативная активность и потенциально мгновенный обмен информацией, предоставили человеку новые, невиданные ранее модели коммуникации. Распространение всемирной паутины оказало огромное положительное влияние на качественное изменение общественного сознания. Интерактивный обмен информацией способствовал не только распространению знания, но и доказал неизбежность взаимодействия и взаимопонимания в мировом общественном мировоззрении. Все это способствует углублению взаимопонимания между разными культурами и этническими общностями.

Но с другой стороны, неудержимое распространение Интернет коммуникации таит в себе потенциальную опасность изменения характера живого человеческого общения. Оно происходит в виртуальном пространстве, из-за чего исчезает важный компонент общения – непосредственное присутствие. Отношения между «Я» и «Другими» не являются при этом отношениями лицом к лицу, которые ничем не опосредствованы. «Другой» выступает партнером, собеседником без лица, т.е. каждым, любым. Человеческие отношения предполагают живой интеллектуальный и эмоциональный контакт и взаимодействие,

основанные на способности и умении понять, построить и почувствовать раппорт, доверие между собеседниками или участниками процесса общения. Максима Лассвелла «кто говорит что кому и с каким эффектом» (who says – what - in what channel - to whom - with what effect), определяющая смысл массовой коммуникации в современных коммуникационных условиях, при определении границ понятия «общение» должна быть дополнена еще и вопросом «how» - как, в каких условиях, в какой форме и каким способом этот процесс осуществляется. Коммуникация в электронных сетях перестает быть общением в традиционном значении слова. Она не только происходит в виртуальном пространстве, но и принимает измененную форму, поскольку нередко осуществляется посредством виртуального собеседника. Различные типы межличностного интернет-обмена выполняют роль медиатора между участвующими сторонами и часто заменяют одного из них. Отсутствие реального собеседника меняет ощущение ожидания и предвкушения непосредственной реакции. Она и не требуется. Общение с компьютером освобождает от неизбежного напряжения, которое создается при разговоре лицом к лицу. Наличие/отсутствие изображения на экране не меняет ситуацию. Компьютерный экран создает видимость визуального контакта, но не дает того эмоционального ощущения, которое возникает при реальном человеческом общении. Из-за этого усиливается отчужденность и снижается, практически сводится к нулю, личная ответственность за каждое высказанное слово, невольный/намеренный жест или взгляд. Распространение Интернета снимает формальные границы общения, нивелирует идентификацию физического субъекта коммуникации. В таком виртуальном общении происходят самые неожиданные превращения в поведении человека.

Интернет зачастую выполняет не только роль посредника, обеспечивающего быструю и удобную связь. Он превращается в собеседника, партнера, советника, заменяющего живого человека. Интернет создает иллюзию общения, при котором виртуальный/технологический собеседник не раздражает бесконечными вопросами и собственными проблемами и не ждет заинтересованного отношения к себе. Он фактически всегда согласен и готов поддержать/отвергнуть любую идею без объяснений и доказательств. У человека исчезает ощущение реальности, в которой его жизнь определялась множеством обязательств, привязанностей, надежд и взаимосвязей. Отношения в семье, между друзьями, сотрудниками и даже с незнакомыми людьми теряют свою значимость, качество и притягательность. В сознании стирается грань между конструктивным/деструктивным содержанием

сообщений. Современное общество сталкивается с проблемой неготовности к осознанию и пониманию своей ответственности за распространение и использование информации, которая выбрасывается во всемирную паутину.

Технологические достижения в разной мере повлияли на человеческую жизнь и личностные характеристики человека. Интернет усовершенствовал способы коммуникации, но значительно изменил понимание процесса общения. Жестко детерминируя коммуникацию, он снижает значение межличностного общения, которое выполняет центральную функцию в становлении человека, как личности. В философском понимании человеческая личность традиционно рассматривается как продукт общения и познания, обусловленный конкретно-историческими условиями жизни общества. Само понятие «личность» определяет субъект отношений и сознательной деятельности, входящий в устойчивую систему социально-значимых черт, характеризующих его как члена того или иного общества, социальной группы или общности. В основе формирования личности лежат живые, интерактивные взаимоотношения с другими, в процессе которых определяются моральные ценности общения и корректные правила поведения. В исторической перспективе именно в межличностном общении создавались основы современного гуманистического мировоззрения. Индивидуальность личности определяется как этический феномен, смысл которого проявляется в мыслях, взглядах, претензиях и правах, настроениях и оценках. Человек обретает личностные качества, как совокупность всех общественных отношений, только благодаря различным отношениям с другими, которые в значительной мере осуществляются в процессе личных взаимодействий. Личность, как индивидуальное бытие общественных отношений, формируется через адаптацию к признанным в ее окружении принципам поведения и мировоззрения. При этом живое взаимодействие с социальным окружением, включающее процессы адаптации, имитации и взаимовлияния, оказывает на этот процесс чрезвычайно глубокое влияние.

Являясь выражением и отражением общественных отношений, личностные признаки человека меняются в соответствии с разными обстоятельствами, связанными как с его общественными функциями, так и с законом возрастной асинхронности. Индивидуальное бытие человека, как личности, формируется через становление его жизненных принципов или «личностных смыслов» по терминологии А.Н.Леонтьева. На основе понимания своего личностного смысла, принципиальной позиции и значимости положения в социальном окружении человек строит свое

мировоззрение. Стабильного периода в этом процессе нет. В любой момент определенного календарного возраста человек может находиться на разных уровнях физиологического, интеллектуального, эмоционального, мотивационного, социального и сексуального развития, что в той или иной степени сказывается на его взаимоотношениях с другими людьми [2.79]. Позитивное/негативное соотношение между ними в значительной мере регулируется в процессе межличностных способов общения. Степень и качество социализации личности напрямую зависит от состояния равновесия между всеми уровнями ее развития. Виртуальные способы коммуникации вызывают нарушение такого равновесия, из-за чего человек не всегда отдает себе отчет в том, насколько его поведение, Интернет сообщения и восприятие реальности способствуют/препятствуют его собственной позитивной социализации и гармонизации отношений в обществе.

Человек является элементом системы многослойных отношений, в которой его идентичность, гуманность и самосознание проявляются и создаются через межличностное общение [2.47]. В корреляции «коммуникация-общение» второй элемент является непосредственно переживаемой личной реальностью, которая для участников процесса общения находится в постоянном превращении, требующем непрерывной адаптации. Люди ведут себя неодинаково в разных коммуникативных ситуациях. Живой процесс общения конкретизирует общественные отношения, персонифицирует их и придает им личностные формы. Именно в процессе живой интерактивности формируются условия для создания и сохранения, поддержки и преобразования реальностей человеческого опыта. В нем выражается не только общественная, но и личная необходимость человека в реакции другого, поскольку только в общении он может осознать себя [2.253]. Межличностное общение представляет собой не только обмен информацией, но и создание определенной совместной общности. В процессе самовыражения и приема/передачи уже сформированных смыслов генерируются новые социальные и личностные смыслы. Участники общения постоянно кодируют и декодируют информацию, посылая ее непосредственно друг другу. Условия общения не оставляют времени для тщательной оценки содержания сообщения, поэтому его смысл мгновенно интерпретируется. Часто значение сообщения участники понимают с полуслова, нередко им хватает взгляда, жеста, вздоха, движения глаз. В общении конструируется совместная социальная реальность и определяется характер взаимных личных связей, заинтересованности и вовлеченности. Это двусторонний, направленный

в обе стороны процесс. Участие в общении построено на равноправии и согласии, Каждому из участников предоставлена возможность внести свой вклад в конструирование ситуации и ее смысла. Он может так или иначе повлиять на ход и результат общения, продолжить/прекратить разговор или перевести его на другую тему. В Интернет коммуникации фактически действует один участник, что способствует деформации личностных отношений, поскольку представляет собой процесс одного направления.

В общении участники передают сообщения непосредственно друг другу и одновременно выстраивают собственное представление о своем «Я». Восприятие своего «Я» является социально-культурным конструктом. Оно постоянно модифицируется в зависимости от того, в какой форме и с кем люди вступают в контакт. Собственное представление человека о себе является в большой степени пластичным. Его самооценка модифицируется в разных контекстах общения. В зависимости от его интеллектуального потенциала и уровня самооценки человек, осознанно или неосознанно, пытается представить себя носителем черт, которые в его окружении признаются положительными или желательными. Он старается защититься от попыток раскрыть его личностные особенности и потенциальные возможности, стараясь сохранить неприкосновенность своего «Я» [2.265]. В интернет-обмене личностные качества проявляется очень ярко. Часто при личном контакте людям не хватает смелости и решимости честно высказать свои мысли. Процесс Интернет обмена снимает эту преграду, но создает возможность человеку, склонному к манипулированию людьми, воздействовать на психологические аспекты социализации личности. Поведение людей, поэтому, меняется в зависимости от условий и окружения, с которыми они соприкасаются. Модель поведения человека диктуется целями, мотивами и конкретными коммуникативными установками, которые определяют и характер интеракции с реальным коммуникантом. В общении люди проявляют себя и узнают других. Нередко они не могут адекватно выразить себя и дать о себе достаточную информацию просто потому, что не знают себя или никогда не задумывались о том, что они собой представляют. С другой стороны, каким бы ни был человек, он обязательно что-то скрывает о себе, что-то ослабляет, подменяет, иногда что-то приписывает и придумывает, на чем-то делает акценты. Пользуясь подобными защитными приемами, он демонстрирует себя людям таким, каким бы он хотел, чтобы его видели другие, стараясь соответствовать общепринятым стандартам поведения. Его позиция не свободна, а задана ограниченной реальностью возможных выборов. В Интернет коммуникации таких ограничений не существует. Человек свободен в

своем выборе, он даже не несет моральной ответственности за него, поскольку непосредственная, немедленная реакция в ней не предусмотрена. Живое общение, интеракция лицом к лицу служит своего рода лабораторией, где человек может научиться получать, понимать, оценивать и передавать информацию о себе и о других. Поэтому тонкости и атмосфера, сопровождающие процесс общения имеют принципиально важное значение.

В современной реальности процесс межличностного общения выходит на иной уровень. Возможности, предлагаемые новейшими электронными технологиями, не только открывают непрерывные и потенциально мгновенные способы коммуникации. Они оказывают фундаментальное воздействие на характер и модели человеческого общения, все больше сближая его с коммуникативными типами связи. В виртуальном общении происходит определенная деградация межличностного общения в том виде, как оно существовало в течение всей прежней истории человечества. Из-под контроля выходит важная составляющая общения – непосредственное ощущение присутствия, живой интеллектуальный и эмоциональный контакт, в результате которого возникают значимые, трансформирующие связи с другими. В мире возникает новый тип культуры, в которой визуальный канал создает единый, зачастую единственный, коммуникативный простор глобального объединения. В этой культуре социализации создается новый эталон человеческих отношений, социальные качества которых развиваются под довлеющим влиянием виртуальных коммуникативных связей. Как реализуются в нем извечные признаки, характерные для прямого межличностного общения, покажет время.

1. Craig R. Communication Theory as a Field. International Communication Association. Cede Publishing, 2011. - 288 p.
2. Mead G. H. Mind, Self and Society: from the Standpoint of a Social Behaviorist. Chicago UP, 1967. - 440p.

УДК 165

Валентин Саченко

ОТ «НАРРАТИВА» К «ИСТОРИЧЕСКОМУ ОПЫТУ»: ПУТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Стаття присвячена аналізу історичного досвіду як умови можливості конструювання історичної реальності. У статті робиться висновок про те, що поняття «історичний досвід» в історичній епістемології розуміється як пошук нових шляхів виходу за межі текстуальності, оскільки досвід передувє будь-якій історичній інтерпретації і є її основою.

Ключові слова: історичний досвід, реальність, нарратив.

Статья посвящена анализу исторического опыта как условия возможности конструирования исторической реальности. В статье делается вывод о том, что понятие «исторический опыт» в исторической эпистемологии понимается как поиск новых путей выхода за пределы текстуальности, поскольку опыт предшествует любой исторической интерпретации и является её основанием.

Ключевые слова: исторический опыт, реальность, нарратив.

This article analyzes the historical experience as a condition for the possibility of constructing historical reality. The article concludes that the concept of «historical experience» in historical epistemology is understood as the search for new ways of going beyond textuality, as experience is preceded by any historical interpretation, and it is the base.

Keywords: historical experience, reality, narrative.

Епістемологічний кризис, охопивший історіографію в 70-х роках минулого століття, коснувся фундаментальних основ історичної науки. Постмодернізм, затронув все ключеві поняття історії і базові принципи історіописання, поставив їх під сумнів, не пропонуючи взамен ніякої альтернативи. Застосовуючи до історичних творів методи літературної критики (Х.Уайт), оновленої завдяки ідеям психоаналізу, лінгвістики і семиотики, постмодерністи «заклучили в скобки» власне історичний метод роботи над джерелами і розглядали історичні тексти самі по собі, без зв'язу з тією реальністю, про яку текст нічого не повідомляв. «Головний «постмодерністський виклик» історії був направлений проти її представлення об історичній реальності і, відповідно, об об'єкті історичного пізнання, які виступали в новому трактуванні

не як щось зовнішнє пізнаючому суб'єкту, а як те, що конструюється мовною і дискурсивною практикою» [8, с. 121]. Відповідно, історія порівнювалась з літературою, оскільки стиралась грань між двома виразами і історичним оповіданням.

Мета цієї статті заключається в аналізі історичного досвіду як умови можливості конструювання історичної реальності.

Ф. Анкерсміт, один з провідних постмодерністських істориків, зауважує, що «історія більше не являється реконструкцією того, що сталося з нами на різних етапах життя, вона стала продовжуючою грою з пам'яттю про минуле... Пришло час, коли ми більше думаємо про майбутнє, ніж досліджуємо наше існування» [15]. Заявлення істориків про те, що вони працюють з архівними документами і їх дослідження ґрунтуються на історичних джерелах, постмодерністи пропонували вважати не більше, ніж риторичним прийомом, використовуваним для завоювання довіри читача. «Об'єктом атаки постмодерністів стали принципи отримання інформації об історичній реальності. Вони утверждали, що між трагічним подієм і розповіддю історика про це подія стоїть величезна дистанція, в ході подолання якої відбувається таке спотворення минулого, що об його адекватному відображенні взагалі не можна говорити. Історичний факт відображається в письмовому джерелі – нарративі, де він уже спотворений через різну ступінь свідомості автора тексту, його суб'єктивності і тенденційності, нарешті, через його наміреність лжати або щирої заблудженості. Чим далі відійде само подія від його відображення в нарративі (наприклад, в середньовічній більшості хронік відокремлено від описуваних в них подій на кілька десятків, а то і сотень років), тим вище ступінь спотворення даного відображення» [13, с.67].

Таким чином, в історії немає нічого, крім текстів, які не порівнювані з жодним зовнішнім контекстом. Історик створює суб'єктивні інтерпретації, конструюючи об'єкт свого дослідження, тобто історик не конструює знання минулого, а генерує «дискурс» про минуле. Мова виступає не засобом відображення і комунікації, а головним фактором, детермінуючим мислення дослідника. При цьому, постмодерністами «підкреслюється креативний, штучний характер історичного оповідання, вистраиваючого нерівномірно

сохранившиеся, отрывочные и нередко произвольно отобранные сведения источников в последовательный временной ряд» [7, с.26].

«Язык, утверждает Ж. Деррида, предшествует бытию, конструирует его. Текстуальность завладевает онтологией. Экстралингвистическая реальность есть иллюзия, мир есть текст. Изучение литературы — это изучение интертекстуальности. Деррида трактует человеческую деятельность в целом как чтение безграничного текста мира, заостряя при этом проблемы дискурсивности, неопределенности значений... В постмодернистских теориях Ю. Кристевой, Р. Барта, Ж. Деррида и др. литература, культура, общество, история, сам человек рассматриваются как текст, составляющий «великий интертекст» культурной традиции» [5]. Культура, и собственно, история также представляют картину «универсума текстов», в котором отдельные безличные тексты до бесконечности ссылаются друг на друга и на все сразу, поскольку все вместе они лишь являются частью «всеобщего текста» [16].

Действительно, в постмодернистской философии вся реальность мыслится как текст и дискурс. Поэтому понятия «нарратив», «текстуальность», «интертекстуальность» стали важнейшими понятиями, которые используются постмодернизмом для описания современной реальности. Если обратиться и к другим теоретикам постмодернизма – к Ж. Бодрийяру, Ж. Делёзу, то можно заметить, что в целом представления о реальности в постмодернизме совпадают. У Ж. Делёза и Ж. Бодрийяра основным понятием является понятие «симулякр» (видимость). Исходя из этого, реальность – это мир самоотносимых знаков, которые не имеют основания в реальности, кроме собственной.

Все это приводит теоретиков постмодернизма к убеждению, что наиболее адекватное постижение реальности недоступно гуманитарным наукам (в том числе и истории), поэтому естественным является обращение к литературе. Именно с этим связано «олитературивание» мира, то есть превращение литературы в модель для всех текстов, утверждение представления, будто только литературность любого дискурса делает возможным наделение смыслом мира и нашего его восприятия. Если мир поддается только литературно-художественному, поэтическому осмыслению, то никакой иной картины мира, кроме метафорической, оно не способно дать. Отсюда столь характерная для

постмодернистских построений утрата рациональности, строгости научной аргументации.

Таким образом, под влиянием постмодернизма понятие «нарратив» прочно вошло в историографию, и стало весьма распространенным. Так, Ф. Анкерсмит выдвигает проект «нарративной философии истории», которая, по его мнению, должна основываться на «новом историзме». «3. Исторические нарративы – это интерпретации прошлого... Нарративизм – современный наследник историзма (не пугать с историзмом К. Поппера). Оба признают, что сущностная задача историка есть интерпретация... 3.3. Исторические нарративы не являются проекциями (на прошлое) или отражением прошлого... нарративные интерпретации *обращаются* к прошлому, а не *корреспондируют* и не *соотносятся* с ним...» [1].

Действительно, под влиянием постмодернистов история все больше сближается с литературой. Как отмечает Р. Шартье, историки осознали тот факт, что их дискурс (исторический) все еще повествование, понимаемое в духе Аристотеля как «выявление интриги представляемых действий». И на их труды распространяются «фундаментальные принципы всякого повествования, общие и для истории, и для беллетристики» [14].

В этом смысле теория нарратива сокнулась с так называемым «лингвистическим поворотом» в исторической науке, то есть с мощной методологической критикой со стороны последователей постмодернистской философии, обратив внимание на обусловленность исторических исследований не только философскими и идеологическими убеждениями и предрассудками историков, но схемами рассказывания, законами языка, применяемого в повествовательных целях.

«В новейшем предисловии к своей знаменитой книге «Метаистория» (1973) Х. Уайт относит ее к «определенному, «структуралистскому» этапу развития западной гуманитарной мысли». Описывая нарративы крупнейших историков и философов истории XIX в., он работает на уровне не отдельных событий-эпизодов и даже не отдельных текстов, а на уровне целостного «историографического стиля» – то есть «постоянного вида использования языка, с помощью которого объект исследования преобразуется в предмет дискурса». В этом понятии «историографического стиля» есть два аспекта, которые выделил и противопоставил, оценивая

теорию Уайта, Поль Рикёр, – во-первых, общая теория исторического сюжетосложения (*emplotment*), во-вторых, теория тропов и других операциональных единиц исторического дискурса. Идея сюжетосложения в истории – действительно богатая и плодотворная, потому что уайтовский *emplotment* хоть и имеет линейную форму, но не обязательно совпадает с синтагматикой исторических событий, о которых рассказывает историк. Скорее это воображаемая траектория мысли самого историка, идеальная организация, которую он придает событиям, вводя их в иное, неисторическое и, однако же, повествовательное время» [4]. С точки зрения Х. Уайта основаниями для создания исторического нарратива выступает более глубинный уровень исторического мышления, который он определяет как «поэтический акт», конституирующий и направляющий поле исторического исследования. Х. Уайт выделяет четыре типа таких актов или префигураций: метафора, синекдоха, метонимия и ирония. Таким образом, исторический нарратив оказывается целиком замкнутым в области литературы.

С другой стороны, на связь между опытом и нарративом обращает внимание П. Рикёр. Как отмечает А. Борисенкова: «П. Рикер, с одной стороны, указывает на сходство социологического и исторического знания, заключающееся в применении «нереальной» нарративной конструкции, а с другой – ставит проблему повествовательного характера научного теоретизирования. При этом следует отметить, что нарратив в его рассуждениях остается важным связующим звеном между социальной и исторической науками и живым человеческим опытом, встроенным в повествование» [2, с.62]. Он также считает, что «нереальные конструкции должны оставаться составной частью исторической и социальной наук, даже если они не выходят за рамки сомнительной правдоподобности, ибо они одни предоставляют единственный способ избежать ретроспективной иллюзии фатальности» [9, с.218]. Следовательно, по мнению Рикёра, использование нарративных конструкций служит напоминанием о том, что историческая наука исследует проявления воли живых людей, чьи действия и зависящие от них события всегда имеют альтернативный исход. В другом случае события и действия становятся подобными событиям неживой природы, подчиняющимся законам.

Действительно, начиная с античности, память о прошлом, выраженная в исторических сочинениях, как правило, принимала форму повествования (рассказа). В современном гуманитарном знании нарратив определяется как «форма придания смысла описываемым событиям и явлениям». Исходя из этого, в истории нарративом следует считать любой научный текст. Задача историка состоит в том, чтобы сформировать представление о смысловом его наполнении.

Так, Й. Рюзенем была предложена типология исторических нарративов, в которой он, опираясь на собственное понимание нарратива и его роли в историческом познании, показывает возможности развития теории в современной историографии. Нарратив немецкий историк определяет как «систему ментальных операций, определяющих поле исторического сознания», а именно как «процесс придания смысла опыту времени» [11, с. 11]. В связи с этим основанием для создания исторического нарратива является «опыт прошлого», который задокументирован и сохранен в архивах и документах. Благодаря этим «архивам памяти» становится понятным настоящее, и возможным являются «ожидания будущего» [Там же].

Используя веберовскую теорию «идеальных типов» Й. Рюзен предлагает выделять четыре типа исторических нарративов. «Прежде всего, это тип, который он называет традиционалистским, призванным напоминать о происхождении, обязанностях и обязательствах (обосновывающим обязанности происхождением) и обеспечивать непрерывность их реализации. Во-вторых, это тип назидательный (образцовый, *exemplary type*), который призван подать прошлое в форме случаев, представляющих и воплощающих правила темпоральных изменений и человеческого поведения. В этом смысле прошлое должно предстать в виде набора некоторых постоянно повторяющихся уроков для настоящего. В-третьих, это тип критический, проблематизирующий посредством апелляции к прошлому наличные ценности и формы жизни. Ну и наконец, это тип генетический, представляющий собой осмысление опыта изменений во времени и, в частности, интеграцию чужого опыта в собственные структуры жизни» [12].

Эта типология может быть использована как методологический и эвристический инструмент для анализа современных исторических

исследований. В частности она позволяет выстроить некоторую логику развития исторического сознания, определить способы и пути его усложнения, а также установить степень их распространенности в культурах, в том числе и современной.

Обращаясь к понятию «нарратив» А. Про даёт описание хода исторического исследования. «Труд по истории создается, прежде всего, путем вычленения его объекта. Действительно, объектом истории может быть все: материальные предметы, общественные группы, институты, символы, техники, сельскохозяйственное или промышленное производство, формы обмена, территории, виды искусства и т. д... Вот, наконец, наука и техника, книги, газеты и журналы, тысячи разных форм искусства. Могу поклясться чем угодно, что нет такого сюжета, который не мог бы стать объектом истории. Тем не менее, историк не может заниматься историей всего сразу: он должен выбирать. Его выбор является отчасти произвольным, ибо все происходит в континууме истории, где нет ни абсолютного начала, ни абсолютного конца. Но выбор этот неизбежен, ведь иначе история просто растворяется. Именно это обособление и эта организация исторического текста вокруг того или иного вопроса, который его структурирует, и описываются, в первом приближении, понятием интриги, которое мы заимствовали у П. Вейна и Х. Уайта, хотя у них это понятие имеет несколько иной смысл» [6, с.252].

Понятие «интрига» также имеет литературные коннотации, однако его роль и значение в историческом исследовании имеет свою специфику. «Конструирование интриги есть основополагающий акт, с помощью которого историк вычленяет особый объект в бесконечной событийной канве истории. Но в этом выборе заключено гораздо большее: он участвует в создании фактов как таковых. Изолированный факт не существует. Именно в процессе изучения он изолируется и одновременно конструируется в качестве отдельного факта, рассматриваемого под особым углом зрения. Событие – не место, где можно побывать; оно представляет собой пересечение нескольких вероятных маршрутов, и поэтому к нему можно подходить с разных сторон, придавая ему всякий раз разное значение. Один и тот же факт, участвуя в создании разных интриг, имеет разную ценность, значимость и значение» [6, с.258].

Таким образом, значение интриги в историческом повествовании велико. Она определяет отбор фактов и их значение и конструирование. Обращаясь к пониманию интриги у Аристотеля, П. Рикёр отмечает, что под интригой следует понимать «некую операцию, т.е. речь должна идти скорее об «образовании интриги», чем об интриге. Это интригообразование в принципе складывается из отбора и упорядочения

повествуемых событий и действий, что превращает фавулу в «законченную и цельную» историю, имеющую начало, середину и конец» [10].

В связи с этим сам Рикёр выделяет «интелигибельность» как характерную черту интриги: «интелигибельный характер интриги может быть показан следующим образом: интрига – это совокупность сочетаний, посредством которых события преобразуются в историю, или соответственно история извлекается из событий. Интрига – посредник между событием и историей. Это означает, что все, что не входит в развитие какой-нибудь истории, не есть событие. Событие – не просто случившееся, произошедшее, но и повествовательный компонент. Еще более расширяя пространство интриги, скажу, что интрига – это интелигибельное единство, которое создает композицию обстоятельств, целей и средств, инициатив и невольных следствий. Из этого интелигибельного характера интриги вытекает, что умение проследить историю представляет собой весьма развитую форму понимания» [Там же].

Следовательно, нарратив является не просто описанием каких-то событий, но содержит аргументацию. Историк предлагает через нарратив «свое видение» событий прошлого, он подходит к ним избирательно. «Повествование содержит в себе как эллипсисы, так и, напротив, стоп-кадры и крупные планы. Таким образом, рассказ составлен из единиц, темп и масштаб которых неодинаковы. Он сочетает в себе фиксирование закономерностей, с одной стороны, и событийные эпизоды, всевозможные элементы доказательства, служащие для аргументации...» [6, с.260].

Следовательно, интрига позволяет понять, как в законченном историческом произведении соединяются различные элементы. Включая в себя возможность объяснения, интрига определяет тип истории, которую конструирует историк. Один и тот же вопрос, поставленный в совершенно разных фактологических рамках и построенный внешне аналогичным образом, может получить разный ответ у двух историков. Каждый из них конструирует свою собственную интригу и создает вполне оригинальную историю. Именно это сближает творчество историка и литератора. Однако в последующей деятельности творчество историка и литература расходятся.

Литературный текст остаётся в мире текстов, т.е. в мире вымысла. Историк соотносит свои повествования с прошлой реальностью, которая запечатлена в них. «История в этом смысле соединяет повествовательную связность и соответствие документам. Это сложное сочетание характеризует статус истории как интерпретации. Таким образом,

открывается путь позитивного исследования взаимопересечений способов референций вымысла и истории – асимметричных, но одинаково непрямых или опосредованных. Именно благодаря этому сложному взаимодействию между опосредованной референцией к прошлому и продуктивной референцией вымысла человеческий опыт в его глубоком временном измерении непрерывно переустраивается» [10].

Как отмечает польский историк К. Помян: «повествование, следовательно, имеет вид исторического, когда оно несет на себе отметины историчности, удостоверяющие намерение автора дать читателю возможность покинуть его текст и предусматривающие операции, позволяющие проверить сделанные ссылки либо воспроизвести те познавательные акты, итогом которых рассчитывают стать его утверждения» [цит по 6, с.273].

Таким образом, «отметины историчности» выполняют в историческом тексте особую функцию: они дают ссылки к представленным в тексте документам, позволяющим реконструировать прошлое, и тем самым выводят исторический нарратив за рамки текста к опыту прошлого. Собственно, эта особенность исторических исследований позволяет их отличать от любых других видов репрезентации прошлого.

Однако, несмотря на попытки новой интерпретации нарратива в историческом исследовании, всё же его использование создаёт представление о близости исторического и литературного творчества. Такое понимание деятельности историка, сближающее написание истории с литературным творчеством, может показаться отказом от её претензий на истинность и достоверность. Действительно, в настоящее время проблема объективности в исторической науке особенно остро обсуждается в связи с проблемой исторической реальности. Как найти в повествовательных приёмах такой путь, который ведет к «прямому доступу» к опыту? Возврат к эмпиричности является одной из самых основных задач современной историографии. В связи с этим в исторических исследованиях всё чаще упоминается понятие «исторический опыт».

Понятие исторического опыта встречается в лексиконе современных историков (Ф. Анкерсмит) довольно часто и обсуждается в тесной связи с такими понятиями как «историческая реальность» и «историческая истина». Как отмечает Г.И. Зверева: «В лексиконе новоевропейской философии истории, теории и истории историографии «исторический опыт» чаще всего используется в таких значениях как: 1) «опыт истории», - выражение связи прошлого, настоящего и будущего, определенный результат исторического процесса, призванный быть

изученным, использованным и превзойденным в обществе; 2) «опыт историка», - важнейшая процедура интеллектуальной работы, мыслительный процесс постижения прошлого, в котором устанавливается определенное отношение исследователя к своему предмету [3].

Именно второе значение понятия «исторический опыт» оказывается в центре современных дискуссий и касается различных проблем исторической эпистемологии, которые затрагивались ещё в модернистской концепции исторического знания. В ней предполагалось существование исторической реальности как внешнего самосознанию субъекта, а также способности историка реконструировать в своем тексте основные элементы этой реальности. При этом исторический метод, который им использовался, являлся надёжным и верифицируемым, поскольку опирался на исторические свидетельства и источники.

Однако постепенно в теории и истории тема исторического опыта стала критически осмысливаться в связи с обнаружением «непрозрачности» исторического источника, в котором запечатлены фрагменты внешней исторической реальности. Для историков постепенно стало очевидным, что исторический опыт имеет сложную структуру и свойства. Это связано с тем, что опыт не возникает у исследователя в связи с прямым эмпирическим наблюдением, но формируется опосредованно. Постигание исторической реальности, которое представлялось возможным либо как реконструкция на основе изучения источников (позитивизм), либо понимание на основе интуиции, воображения (историзм), в настоящее время интерпретируется на основе конструктивистского подхода. В настоящее время является трудным однозначно определить содержание и границы понятия «исторический опыт». Но вполне возможным, оказывается, показать основные тенденции построения новых эпистемологических оснований конструирования исторической реальности.

Й. Рюзен, размышляя о возможностях подобного конструктивизма полагает: «...Я думаю, мы должны признать на деле: существует лишь множество историй, а не единственная история (the history) как фактическое бытие. Но, тем не менее, – и это мое модернистское положение аргументации – нам нужна идея единства исторического опыта» [11, с. 25].

Основание для единства этого опыта Й. Рюзен видит в необходимости ведущей системы ценностей: «Я считаю, что существует фундаментальная ценность, которая должна быть внесена в стратегию исторической интерпретации, ценность, которая одновременно является

как универсальной, так и обосновывающей разнонаправленность и различие. Я думаю о нормативном принципе взаимной признательности и признания различий в культуре. Это принцип можно развить в познавательную структуру, которая усилит герменевтический элемент исторического метода, и эта структура позволит реализовать новый подход к историческому опыту, который синтезирует единство человечества и временное развитие, с одной стороны, и различие и многообразие культур – с другой» [11, с. 25].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что понятие «исторический опыт» занимает важное место в формировании новых принципов и ориентиров в исторической эпистемологии. «Исторический опыт» понимается как поиск новых путей выхода за пределы текстуальности, поскольку опыт предшествует любой исторической интерпретации и является её пределами. Историческая реальность понимается как существующая на основе единства человеческого опыта, однако постижение этой реальности имеет субъективный характер. Историческая реальность конструируется историком в ходе исторического исследования, в котором связаны теоретические элементы и эмпирические обобщения. Множественность интерпретаций не препятствует объективности исторического исследования, а наоборот, служит её основанием, поскольку эти интерпретации основываются на взаимной критике и взаимном признании.

1. Анкерсмит Ф. Шесть тезисов нарративной философии истории. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://abuss.narod.ru/study/phh/ph_hist_anker_narr.htm
2. Борисенкова А. Теория повествования Поля Рикера: от нарративной организации опыта к нарративным основаниям научного знания [Рецензия] / А. Борисенкова // Социологическое обозрение. – 2007. – Т. 6. – № 1. – С. 55–63.
3. Зверева Г.И. Понятие “исторический опыт” в “новой философии истории” / Теоретические проблемы исторических исследований. Вып. 2. М.: Ист. ф-т МГУ, 1999. – С. 104-117.
4. Зенкин С. Критика нарративного разума// НЛО. – 2003. – № 59. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/59/zen.htm>
5. Мунтян А. А. О.П. Власова. Текст и нарратив как проблема постмодернистской теории // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Том 24(63) №1. Часть 1 2011. – С. 141 – 145.
6. Про А. Двенадцать уроков по истории / Пер. с фр. – М., 2000. – С. 334.
7. Репина Л.П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей. Человек в истории. Ремесло историка на исходе XX века. – М., 1996. – С.25-38.

8. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. – М.: Кругъ, 2011. —560с.
9. Рикёр. П. Время и рассказ. Т. 2 : пер. с франц. / П. Рикёр. М ; СПб. : Университетская книга, 2000. – 218с.
10. Рикёр П. Что меня занимает последние 30 лет. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://abuss.narod.ru/Biblio/tricoeur.htm>
11. Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории //Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М., 2001. – Вып. 7.– С. 8-27.
12. Сыров В.Н. Поворот к проблеме культурной ценности исторического знания: опыт одного анализа. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://http://xn—90agtffjot8f.xn—p1ai/index.php/mneniya/164-povorot-k-probleme-kulturnoj-tsennosti-istoricheskogo-znaniya>
13. Филюшкин А.И. «Постмодернистский вызов» и его влияние на современную теорию исторической науки // Топос. – Минск: Пропилеи, 2000. – № 3.– С. 67-78.
14. Шартье Р. История сегодня: сомнения, вызовы, предложения// Одиссей. Человек в истории. Ремесло историка на исходе XX века. – М., 1995. – С.194-195.
15. Ankersmit F. Historiography and Postmodernism // History and Theory. 1989. Vol. 28. N.2. – P.149-152.
16. Derrida J. and the Humanities: A critical reader. – Cambridge University Press, 2001. – 327 p.

УДК 165

Віктор Левченко

ГУМАНІСТИЧНИЙ АСПЕКТ ІСТОРІЇ ФІЛОСОФІЇ НАЦІОНАЛЬНОЇ ІДЕЇ В УКРАЇНІ

Розглядаються різні напрямки існування та процеси становлення філософії національної ідеї в Україні. Базою дослідження є філософські та літературні джерела різних періодів історії української суспільної думки.

Ключові слова: національна ідея, філософські рефлексії, Україна.

Рассматриваются различные направления существования и процессы становления философии национальной идеи в Украине. Базой исследования являются философские и литературные источники разных периодов истории украинской общественной мысли.

Ключевые слова: национальная идея, философские рефлексии, Украина.
Some ways of existing and processes of genesis of national idea philosophy in Ukraine are researched. Philosophical and literatural sources of different periods of Ukrainean social thought are the basis of investigation.

Keywords: national idea, philosophical reflection, Ukraine.

Національна ідея в людському бутті може бути репрезентована кількома стадіями, напрямами та сутнісними проявами. Під стадіями ми розуміємо різні системно об'єднані функціональні особливості, що характеризують певні культурно-історичні епохи в їх відношенні до національного. В Україні проглядаються, по перше, генетично-етнічна стадія переднаціонального тобто інтуїтивного відчуття необхідності збереження спільноти як умови самовиживання; по друге, культурно-просвітницька стадія визрівання релігійно-національного в психологічних та організаційних межах (формах) його наявності; по третє, стадія самоусвідомлення, активного творення власного національного життя – козацька доба, яка, на жаль, в силу як зовнішніх та внутрішніх історичних обставин не змогла завершити шлях остаточного формування нації та скінчилась руйнацією; по четверте, стадія національного відродження, орієнтована на будівництво національної ідентичності, включаючи спробу політичного самовизначання, яскравими проявами якої були діяльність та ідеї що формувались починаючи від Кирило-Мефодіївського братства до розстріляного покоління двадцятих років нашого століття.

П'ята стадія – наше сьогодення. Українська національна ідея в наш час має свої суттєві особливості, що позначаються на її характері, тенденціях розвітку, сфері дії. Не зупиняючись на них детально, назвемо лише специфічні політико-економічні умови, старі психологічні стереотипи, відчуження людини від власної культури, мови, а звідси і

недостатній рівень національної самосвідомості, регіональні відмінності, тощо. Ці фактори створюють об'єктивні труднощі, впливають на темп процесу втілення національної ідеї, її поширення та напрями. До них додається суб'єктивний фактор: бездіяльність, а інколи відверта протидія позитивним зрушенням в культурі окремих представників владних структур, свідомо тенденційність діяльності певних політичних діячів, нерозуміння значною частиною народу власних прав і невміння їх відстоювати (незважаючи на дуже велику соціальну активність під час Померанчової революції та революції Гідності), пасивність інтелігенції. Незважаючи на зазначений негативний фон українська національна ідея існує не тільки в сучасних теоретичних розробках, але і виявляє себе в державотворенні та культурному житті.

Національна ідея реалізується в різних напрямах суспільного життя: в політичній, релігійній та мовній практиці, в культурно-просвітницькій діяльності і в особисто-психологічних орієнтаціях, а також на теоретично-філософському рівні. Як предмет філософської рефлексії національна ідея включає такі аспекти, як власне поняття національного, його наявність в свідомості і повсякденному житті людства, співвідношення з міжнаціональним і загальнолюдським, конкретно-історичним і надчасовим. Філософське осмислення цієї проблеми передбачає не тільки її гносеологічний і культурно-онтологічний аналіз, але і виявлення аксіологічного значення та екзистенціального змісту. Культурно-історична конкретизація національної ідеї означає виявлення даної проблематики в історико-культурній спадщині та її аналіз, дослідження сучасного стану національної ідеї, її розуміння та практичного втілення, відродження нових концептуальних підходів та впорядкування історії філософської думки в Україні. Історико-культурна спадщина репрезентує національну ідею як в явному викладі (наприклад, Т. Шевченко, І. Франко, В. Липинський та інш.), так і в різних ступенях неявного (наприклад, у філософських творах Г. Сковороди, П. Лодія, П. Юркевича, хорової музики Д. Бортнянського, етнічної символіки народного костюму, церковної та світської архітектури). Це вимагає проникнення не лише в сутність авторської думки, але і в контекстуальність, форму твору, заданість культурно-національних архетипів.

Історико-філософське дослідження національної ідеї, на наш погляд, слід починати з її «передбуття», з витоків, тобто з роздумів українських гуманістів XVI – початку XVIII ст. Рефлексія мислителів цього періоду пов'язується з такими питаннями, як: хто ми? яке наше минуле? що нас єднає?, розгорнутими в іде патріотизму, єдності народу за етнічними ознаками, релігійною вірою, історичним минулим та іншими формами

культури. Патріотичним пафосом пронизане звернення Ст.Оріховського до польського короля з побажанням «звільнити Русь від рабства і спільну твою державу свободу зберегти», описанням і страждань від зовнішнього військового нападу, з вимогою «податися на Русь», відбудувати її і порятувати мешканців, які уникли ворожого меча» [5, с. 23–25]. А. Чагровський в творах «Дума Українна», «До подільського краю син його промовляє» поєднує патріотичні мотиви з цінностями «лицарських» звичаїв. Історії українського народу присвячує свій твір «Дніпрові камени» І. Домбровський, а проблемі збереження і захисту звичаєвого права і віри руського народу розкривається в «Розмислі про народ руський» Я. Щасного-Гербути (див.: [6, с. 78–80, 200–221, 173–178]). Неоднозначною була діяльність яскравого полеміста І.Вишенського, але вона пропагувала православні і давньоруські культурні традиції, сприяла національній єдності (див.: [1]).

Зростання національної самосвідомості в Європі в першій половині XIX ст. находилося під впливом ідей Гердера, Фіхте і романтиків, які, привертаючи увагу до неповторності різних народів світу в їхньому природному стані та середовищі існування, поклали початок концепції національної самобутності й тим самим дали засади для визначення нації. Так Гердер підкреслював значення національної культури як засобу єднання людей в органічне ціле, поза яким людина ніщо. Він також писав про роль відтворення народних традицій, зафіксованих в мові, мистецтві, релігії, сімейних стосунках, державі для стимуляції розвитку народу. Фіхте в своїх «Промовах до німецької нації», намагаючись знайти сили для національного відродження Німеччини в умовах втрати незалежності, пропонує програму перевиховання народу через усвідомлення німцями відчуття єдності нації. Патріотизм, тобто розвинена національна самосвідомість є підвалинами формування добродісної особистості. В руслі цих ідей представники європейського романтизму в своїх художніх і філософських пошуках для обґрунтування ідеї нації та пошуку «душі народу» звертались до фольклору, народних, історичних традицій.

Провідні ідеї європейського романтизму знаходять в Україні сприятливі умови для власних концептуальних підходів до національної ідеї. Так, скажімо, у П. Куліша українська національна ідея – є проявом патріархального життя, вкорінення у ґрунт, виразом «внутрішнього» на протилежність «зовнішньому», – має певне етнопсихологічне трактування [3]. У М. Драгоманова національне пов'язане з громадівськими ідеями; воно є ґрунтом, формою, засобом, що служить головному – поступу політичному, соціальному і культурному, – тобто розглядається в соціально політичному аспекті.

В цікавому ракурсі розглядає національну ідею О. Потебня. Його філософія мови орієнтована на дослідження проблеми «мова і народ» як основної, включає в себе такі базисні категорії: «народність», «ідея національності», «націоналізм». Він приєднується до В. Гумбольдта і виводить з мови єдність народного духу, причетність людини до своєї національності. Наприклад, «...розмовляти – значить пов'язувати свою особисту вузьку думку з мисленням свого племені, народу» [8, с. 149]. На певному рівні розвитку народного духу з безособовою мовною стихією завдяки вольовим і інтелектуальним зусиллям індивідуальностей і політичних груп, що засвоїли краще з нього, відбувається формування національної ідеї через придання відомим рисам народу характеру єднаючого, керівного принципу. Це, в свою чергу, дає імпульс для наступної творчості в сфері мови і власного народного духа (див.: [7, с. 380–386]). Визначаність національної ідеї вимога активних практичних дій в сфері національного для вивіщення її начал, надання їй більшої енергії. «Ідея національності є завжди родом месіанізму» [9, с. 275]. Але для Потебні право народів на самостійне культурно-історичне існування і розвиток, дозволяє запобігати крайностям і однобічності окремих варіантів національної ідеї та мондіалістських концепцій цивілізації.

В кінці XIX ст. філософія національної ідеї в Україні виходить на новий рівень; репрезентують її Т. Зіньківський та І. Франко. Т. Зіньківський критикує космополітичні ідеї «абстрактної вселюдини», вважає їх неприродними і такими, що ведуть до втрати своєї індивідуальності. «Кожна індивідуальність може виховуватись для справжнього творчого життя тільки на національному ґрунті. Людина без національного почуття не здатна до розумного духовного життя» [2, с. 89]. В той же час космополітизм і націоналізм співвідносяться як ціле і частина, як розуміння родового і видового. Націоналізм, пише Т. Зіньківський, «мусить бути під контролем ідей гуманізму – любити свій народ, працювати для його не значить зневажати й ненавидіти іншу яку народність. Кожна людина мусить дивитись на всіх людей однаково, як на людей, поводитись з ними, як собі того бажаєш... і в такій собі благородній розумності кожна людина мусить бути космополітом... Такий націоналізм, що суперечить людським вищим гуманним ідеям – не націоналізм, це просто варварство... Націоналізм же ми розуміємо як практичне виконання в житті космополітичних гуманітарних бажань та ідей...» [2, с. 101]. Пасивність культурних верств веде до того, що «потіки інтелігенції течуть в різні моря, доповнюють здебільшого чужі води, лишаячи Україну без усякого духовного напою, і лежить Україна як пустиня, що Бог її кинув» [2, с. 107]. Практичне завдання української

інтелігенції Т.Зінківський бачив у сприянні становленню внутрішньої самостійності культури і політичної волі, спрямованості на політичне звільнення.

І. Франко невід'ємною частиною історичного поступу вважає націю. «Все, що йде поза рами нації – се або фарисейство людей, що інтернаціональними ідеалами раді би прикрити свої змагання до панування однієї нації над другою, або хоробливий сентименталізм фантастів, що раді би широкими вселюдськими» фразами покрити своє духовне відчуження від рідної нації» [11, с. 79]. З цим пов'язана проблема провідника і народу, ролі першого в пробудженні пасивної розрізненої етнічної юрби, перетворенні її в самовизначену активну національну спільноту розглядається Франком в різних творах, але особливо повно, яскраво, в гармонійній образності, що створюють піднесену, довершену художню форму, ця думка висловлена в поемі «Мойсей».

І. Франко розглядає проблему національного в її відношенні до загальнолюдського. Так він був впевнений, що чим глибше будуть вивчені потреби однієї нації, тим більше буде знайдено зв'язків з проблемами, важливими для інших народів, бо їх визначають спільні закономірності суспільного розвитку. І. Франко виступає проти заперечення національної специфіки культури, як це робили прибічники компаративістської теорії, але разом з тим підкреслює і загальнолюдський характер духовного надбання кожної окремої нації. Він вживає порівняльний аналіз творів різних народів, щоб «задокументувати свою національну і духовну рівність з іншими народами» [10, с. 21]. Порівнення дасть позитивні наслідки тільки тоді, вважає І. Франко, коли будуть вивчені соціальні мотиви того чи іншого явища в певній національній культурі. Розглядаючи питання співвідношення національного та міжнародного, мислитель виходив з того, що кожний дійсно національний за своїм значенням твір, має одночасово загальнолюдський характер і повинен органічно ввійти в культури інших народів, збагативши їх. «Кожний чільний сучасний письменник – чи він слов'янин, чи німець, чи француз, чи скандинавець, являється неначе дерево, що своїм корінням впирається якомога глибше і міцніше в свій рідний національний ґрунт, намагається віссати в себе і переварити в собі якнайбільше його живих соків, а своїм пнем і кроною поринає в інтернаціональній атмосфері ідейних інтересів, наукових, суспільних, естетичних і моральних змагань. Тільки той письменник може нині мати якесь значення, хто має і вміє цілій освіченій людськості сказати якое своє слово в тих великих питаннях, що ворущають її душою, та заразом сказати то слово в такій формі, яка найбільше відповідала його національній вдачі. І тільки такий письменник буде рівночасно зрозумілий і

цікавий не тільки для своїх найближчих земляків, але й для цілого цивілізованого світу, бо всі знайдуть у його творах, хоч і яка була б назвичайна та оригінально-національна їх форма... ті самі чуття, сумніви, страждання, симпатії, що становлять суть душі сучасного освіченого чоловіка» [14, с. 242]. В іншому місці він ще більш конкретно вказує на необхідність «розрізнити своєрідно-національне від загально-міжнародного: національний зміст у міжнародній формі, і національну форму, в яку відлито міжнародний зміст» [13, с. 385]. І. Франко вказує, що нація, яка намагається панувати над іншими шляхом насильств і кривдження, сама приречена на духовне зuboжіння і моральну загибель. «Дорога насильств, кривдження, економічного і духовного руйнування приводить тільки до згуби, а не до поступу, дегенерує і подкопує не тільки слабшого, але і сильнішого» [12, с. 8].

В двадцятому столітті чимало українських мислителів серед інших проблем, займався національною ідеєю, маючи свої підходи, оцінки, мету. Розглянемо концепції В. Липинського і Д. Чижевського.

Розробка категорії «нація» як фундаментальної в ряду з поняттями «традиція» і «аристократія» характерна для філософсько-історичних поглядів В. Липинського. Він розуміє націю як творче і органічне утворення, само себе створююче, оскільки «ніхто з нас не створить нації, якщо ми самі нацією не захочимо бути» (цит. за: [15, с. 55]). Для перетворення етнічної маси в націю необхідне розвинути почуття поваги і обов'язку по відношенню до своєї Землі, воля до національно-політичної творчості, тому в душі європейського елітаризму ХХ ст. В. Липинський вважає, що «українство за природою своєю є рухом аристократичним: волевиявленням ведучого прошарку, а не народних мас» [4, с. 78]. Оскільки власне духовна і політична еліта здатна виявити національну ідею як державотворчу, що не має крайнощів націоналізму, вона (еліта) і є основою нації і може втілювати ідею українства, а саме боротьбу за політичну і культурно-національну незалежність Української Землі. З точки зору Липинського ні мова, ні віра, ні плем'я (тобто культурно-національні ознаки) історично відрізняли Україну від її сусідів, а інший, вироблений сторіччями, метод організації політичних взаємовідносин державності і громадянства. Тому не за допомогою ще неіснуючої «фіктивної “українською нацією” необхідно будувати реальну українську державу» [4, с. 74]), а навпаки, через вже існуючі і створені політичні інститути і бажання організувати націю як єдине духовне політичне ціле. Таким чином В. Липинський заперечує етнопсихічні характеристики як основні елементи національного буття. Таким конструктом, вважає він, є територія («Земля»), любов до якої підтримує і зміцнює національну

свідомість, формує почуття територіального патріотизму. Це необхідна передумова нації. Тому «“українцем”, своєю, близькою, людиною однієї нації, є кожна людина, органічно (місцем проживання і праці) пов’язана з Україною, не-українцем є житель іншої землі» (цит. за: [15, с. 56]).

Історик світової та української філософії Д. Чижевський в своїх працях, зокрема, в «Нарисах з історії філософії на Україні», серед інших проблем, розглядає національну ідею в таких вимірах, як нація і людство, філософія і філософії, український народний характер і світогляд. В співставленні національного і загальнолюдського існують два підходи, – раціоналістичний і романтичний, – констатує Д. Чижевський. Він критикує перший підхід, для якого історія людства – єдиний процес, що має спільну мету, а національні особливості – то лише певні відступи, «ухили» від загальнолюдського, «необхідне зло», що колись може бути усуненим. Тому дійсно цінним і важливим є мета «вселюдське», наднаціональне, надчасове. Д. Чижевський обстоює другий, романтичний підхід, з його аналізом помилок та однобічності раціоналізму і бачення різноманітності форм життя. В цьому сенсі «кожна нація є тільки обмеженим і однобічним розкриттям людського ідеалу. Але лише в очих обмежених і однобічних здійсненнях загальнолюдський ідеал і є живий». Саме в цьому, вважає Д. Чижевський, виявляється своєрідність і оригінальність і кожна нація «має вічне і загальне значіння» [16, с. 8].

Аналогічним чином Д. Чижевський розглядає співвідношення філософії з окремими філософськими системами, течіями, школами. Кожна конкретна філософія є усвідомлення цінностей національної культури в різних її проявах. Дійсно, якщо предмет філософії в цілому загальнолюдський, то предмет кожної філософської системи має певні національні риси, адже на філософські ідеї, концепції, системи впливають специфічні риси тієї нації, культури, суспільних відносин, в межах яких вони народились і зросли. А звідси вибіркове ставлення мислителів до тієї чи іншої проблеми. Для одного об’єктом уваги виявляється те, що зовсім не цікавить і не сприймається іншими мислителями. Висновки, які робить філософ, розв’язуючи певні проблеми, також значною мірою відбивають духовну культуру нації. Тобто, національний момент виявляється не тільки у виборі проблем, а й у характері їх розв’язання. Національні умови впливають на вибір мислителем кола проблем, що вимагають першопорядної розробки в межах його системи. Адже проблематика конкретної системи завжди є переламаним через свідомість мислителя відбиттям потреб суспільного розвитку. Національні риси в філософії виявляються найбільш яскраво тоді, коли мислителя хвилюють ті проблеми і розробляє він ті питання, що є найбільш

гострими, актуальними, вагомими в даний момент для даної нації. Національне значення філософської системи, теорії полягає у відповідності її тим проблемам, що важливі для нації на певних етапах її розвитку.

Досить цікавою є проблема національної специфічності філософської думки. Все те неповторне, що викликається до життя особливостями розвитку тієї чи іншої нації і не може бути перенесене без певних змін в умови розвитку інших націй, складає національну специфіку філософської думки. З точки зору Д. Чижевського три моменти характеризують національні особливості філософії. Це форма вияву філософських думок; метод філософського дослідження; будова системи філософії.

Національне неможна ототожнювати з національно-специфічним. Національне не щезає навіть зі зникненням національно-своєрідних зовнішніх моментів. Воно може виявлятися хоч би в структурі межнаціональних елементів форми. Визначання національно-специфічного вимагає конкретизації як в просторі, так і в часі. Те, що в даному відношенні виступає як національно-специфічне, в іншому – може набувати загальнолюдського значення і навпаки. Специфічним для нації є неповторне, те, що викликано до життя особливостями саме її розвитку і тому не може бути перенесене за її межі. Д. Чижевський виділяє в Україні певну національну індивідуальність з такими рисами, як емоціоналізм і сентименталізм, чутливість та ліризм, індивідуалізм, волелюбність, рухливість, терпимість до інших народів (див.: [16, с. 19-20]).

Фінал. В наш час національна ідея в новітньому розумінні цього поняття і сучасними формами міжнаціональних стосунків є необхідним елементом, стержнем існування нації, суспільства, держави. Неповнота, нерозуміння, або відсутність цього компоненту в поєднанні з непослідовністю внутрішньої політики, зовнішнього тиску обертається денационалізацією, асиміляцією, призводить до того, що певна національна спільнота щезає з Землі. Ця проблема актуальна і для України, тому не випадковим є інтерес до неї наших науковців і зокрема, філософів.

Предметом філософської рефлексії є також культурно-історичний процес як цілісність з виявленням гуманізму, демократизму, відкритості, з системою моральних та естетичних цінностей, єдністю, взаємодією в різних сферах духовності. На цьому полі багато зробили, зокрема, П. Куліш, І. Франко, Д. Чижевський та інші, виступаючи як проти перебільшення, так і проти зневаги, недооцінки національного прояву культури.

Національні умови впливають на вибір мислителем кола проблем, що вимагають першопорядної розробки в межах його системи. Адже

проблематика конкретної системи завжди є переламленим через свідомість мислителя відбиттям потреб суспільного розвитку.

Специфічним для нації є неповторне, те, що викликано до життя особливостями саме її розвитку і тому не може бути перенесене за її межі.

Визначання національно-специфічного вимагає конкретизації як в просторі, так і в часі. Те, що в даному відношенні виступає як національно-специфічне, в іншому - може набувати загальнолюдського значення і навпаки.

Якщо предмет філософії в цілому загальнолюдський, то предмет кожної філософської системи має певні національні риси, адже на філософські ідеї, концепції, системи впливають специфічні риси тієї нації, культури, суспільних відносин, в межах яких вони народились і зросли. А звідси вибіркове ставлення мислителів до тієї чи іншої проблеми. Для одного об'єктом уваги виявляється те, що зовсім не цікавить і не сприймається іншими мислителями. Висновки, які робить філософ, розв'язуючи певні проблеми, також значною мірою відбивають духовну культуру нації. Тобто, національний момент виявляється не тільки у виборі проблем, а й у характері їх розв'язання. Національні умови впливають на вибір мислителем кола проблем, що вимагають першопорядної розробки в межах його системи. Адже проблематика конкретної системи завжди є переламленим через свідомість мислителя відбиттям потреб суспільного розвитку. Національні риси в філософії виявляються найбільш яскраво тоді, коли мислителя хвилюють ті проблеми і розробляє він ті питання, що є найбільш гострими, актуальними, вагомими в даний момент для даної нації. Національне значення філософської системи, теорії полягає у відповідності її тим проблемам, що важливі для нації на певних етапах її розвитку.

Досить цікавою є проблема національної специфічності філософської думки. Все те неповторне, що викликається до життя особливостями розвитку тієї чи іншої нації і не може бути перенесене без певних змін в умови розвитку інших націй, складає національну специфіку філософської думки.

Національне неможна ототожнювати з національно-специфічним. Національне не щезає навіть зі зникненням національно-своєрідних зовнішніх моментів. Воно може виявлятися хоч би в структурі межнаціональних елементів форми. Наприклад, більшість філософських творів Василя Довговича написані латинською і угорською мовами, але вони мають національне значення, оскільки в них наявна співвідносність

з соціальними умовами розвитку Закарпатської України, з культурними та ідейними надбаннями свого народу.

1. Вишенський І. Твори: У 2-х тт. – К., 1959.
2. Зіньківський Т. Писання: У 2-х кн. – Львів, 1896. – Кн. 2.
3. Куліш П. Твори: У 2-х тт. – К., 1989. – Т. 1.
4. Липинський В. Листи до братів-хліборобів // Філософська та соціологічна думка. – 1991. – № 10.
5. Оріховський Ст. Напучення польського королеві Сигизмунду Августу // Українські гуманісти епохи Відродження. – К., 1995. – Ч. 1. – С. 23–25.
6. Оріховський Ст. Напучення польського королеві Сигизмунду Августу // Українські гуманісти епохи Відродження. – К., 1995. – Ч. 2.
7. Потебня А.А. Из записок по теории словесности // Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – М., 1976. – С. 380–386.
8. Потебня А.А. Мысль и язык // Потебня А.А. Слово и миф. – М., 1989.
9. Потебня А.А. Язык и народ // Потебня А.А. Эстетика и поэтика.. – С. 275.
10. Франко І. Вибрані статті про народну творчість. – К., 1955.
11. Франко І. Збір. творів: У 50-ти тт. – К., 1986. – Т. 45.
12. Франко І. І ми в Європі. Протест галицьких русинів проти мадьярського тисячоліття // Житє і слово». –1896. – № 1.
13. Франко І. Твори в 20-ти тт. – Т. 16. – К., 1955.
14. Франко І. Твори в 20-ти тт. – Т. 18. – К., 1955.
15. Чижевський Д. В'ячеслав Липинський як філософ історії // Філософська та соціологічна думка. – 1991. – № 10.
16. Чижевський Д. Нариси з історії філософії на Україні. – К., 1992.

УДК 165.745

*Irina Yanushevich***POLITICS AND PROBLEMS OF FORMATION OF THE NATIONAL STATEHOOD**

Державна політика наповнює смисловим змістом поняття «нація» і «національна державність». Стратегія побудови національної державності вимагає теоретичного обґрунтування. У статті розглядається питання впливу державної політики на вибір шляху побудови національної державності та національної держави.

Ключові слова: державність національна, національна держава, індуктивна пізнавальна стратегія, гіпотетико-дедуктивна пізнавальна стратегія, синтетична пізнавальна стратегія.

Государственная политика наполняет смысловым содержанием понятия «нация» и «национальная государственность». Стратегия построения национальной государственности требует теоретического обоснования. В статье рассматривается вопрос влияния государственной политики на выбор пути построения национальной государственности и национального государства.

Ключевые слова: государственность национальная, национальное государство, индуктивная познавательная стратегия, гипотетико-дедуктивная познавательная стратегия, синтетическая познавательная стратегия.

The state policy fills with the semantic content the concepts of a «nation» and a «national statehood». The strategy of formation of a national statehood demands theoretical substantiation. In this article we consider the influence of public policy on a choice of a way of creation of national statehood and national state.

Keywords: national statehood, national state, inductive cognitive strategy, hypothetical-deductive cognitive strategy, synthetic cognitive strategy.

With the development of capitalist relations, economic and cultural links strengthened, the national market emerged, economic fragmentation of nationalities was eliminated, and their different parts were consolidated in single national whole. The nationalities developed into nations. Thus, a nation as a community of people arises at the time of appearance of capitalism on the bases of community of economic life, territory, language, certain features of psychology, traditions of everyday life and culture. A nation is the most stable community of people and its stability is ensured first of all by profound economic factors.

Nations emerged both out of related tribes and nationalities and out of groups of unrelated tribes, races and nationalities. The specific features of

historical development, of economic structure, culture, geographic and historical environment, everyday life, and traditions impose an imprint on the nation's spiritual image, shaping the national character and national self-consciousness.

Every historically formed nation rises to the realization by its most advanced representatives of its common national interests, culture, traditions and prospects of development. It possesses a particular way of thinking and form of expressing the emotions; it has its national dignity. All this makes a nation a unique historical structure. However nations have not only distinctive feature, but common ones as well, uniting rather than differentiating them: some nations speak the same language, some live on the same territory, others have a great deal in common in their history, culture, everyday life and psychology. The diversity of national features constitutes mankind's wealth, its treasury of values. Wellbeing of the nation in many respects depends on the pursued state policy. The sphere of politics has a relative independence. Since politics is the art of government, it must be an art in the highest sense of the term: first, it must rely on the achievements of science, and second, it must correspond to the highest criteria of morality, for it is precisely political activity that is the most responsible of all the types of social activity [1;p.168-179].

In the most general form political activity includes three basic elements. First, the ability to set the proximate or tactical and the more distant or strategic real goals, and to solve these tasks by properly handling the relations between the social forces and taking account of all of the society's possibilities at a concrete stage. Second, the working out of effective methods, ways and forms of organization of the social forces for the achievement of these goals. And finally, third, selection and placement of personnel capable of solving the tasks facing them.

Politics as «the art of running a state» is a special kind of activity which also regulates the relations between large social groups, states and nations in particular. Such is the definition of the forms, tasks and content of the existence of the nation. The goal of politics is always the preservation or creation of the most advantageous conditions of the realization of power. Therefore one of the principal goals of politics is the organization of state power: in particular politics of the national state system implies defence of sovereignty of nation or another ethnos in one or another form. The policy has impact on formation of the state system, in particular national statehood.

On the whole the concept «national statehood» has more broader sense, than the concept «national state». For example, autonomous areas and regions are not the states, but usually are examined as original kinds, forms of the national statehood, because they express sovereignty of corresponding ethnos

and under certain circumstances can be transformed into the national state. The creation of the national statehood is directed on satisfaction of the natural necessity of ethnos in using the political power and her facilities for the consolidation, defence and development of the language and cultural originality, interests and values. Formation of the national statehood is not casual; it was and today to a certain extent remains the general tendency of national and national-liberation movement.

The political value of the «national statehood» to an even greater degree depends upon the sense that is put in this concept. In hands of antidemocratic, chauvinistic forces it can serve as the means of suppression of democracy, violation of human rights, spreading of separatism, disconnection and opposition of nations. In the hands of democratic forces the national statehood grows into the important factor of strengthening of democracy, observance of human rights, people and national minorities, solidarity of ethnos and maintenance, strengthening of unity and integrity of the state rights. In a really democratic country the national statehood is called to express and protect interests of representatives not only by a «title nation» but also residents of all other nationalities on her territory.

One of the classical models of formation of the national statehood in Europe of the period of developed and late feudalism is the history of the state formation of France. France existed as this model till the XIX century when the French classical state system was destroyed by Great French revolution of 1789. In the period of developed and late feudalism France played almost exclusive, priority role in all areas of the European life — economic, political and cultural.

The empire of Carolingians, which was created by Charles the Great in the IX century, was disintegrated. Then the period of feudal dissociation came. By XI century all internal political and external economic pre-conditions, as well as foreign-policy pre-conditions for a way out of the feudal dissociation (growth of the cities, trade, craft, changing of character of the royalty in France) were created. This state started playing a noticeable role in geopolitical structure of Europe in XI century.

After the period of feudal dissociation the consolidation of the French state was started from the North. Exactly royal power came forward as a consolidating power in this process. The French king's policy, which set the purpose of creation of the unity of national states, was supported by the cities that gave to the French king financial and military support. The king was helped by his vassals and knights of other areas, which directly weren't belonging to him. He was also supported by clergy, which gave to the royalty aura of sanctity and in such way strengthened authority of the monarch.

The great number of the states that included different nations, as well as the states, which included only part of nation, and also the states that were divided into two parts (such as Korea, Germany) arose at the end of the twentieth century.

The result of such variant of national device were the national conflicts. National conflicts began to arise between the national states or inside the national states either. In case some people proceed from the idea that every nation has a right on a separation and creation of the national state, without taking into account any criteria of national belonging, the violence becomes an important and even decisive argument. So it happened with Scotland and Wales in Great Britain, Brittany in France, a country of basques in Spain, Flemings and Walloons in Belgium. The USSR and Yugoslavia were disintegrated on the separate states with a mass of unsolved national conflicts. National conflicts stormily arise in and between the African states. The Ukraine didn't avoid this fate as well.

The globalization which is followed by a mass national migration strengthened national friction. The growing gap between so-called countries of North and South, or more precisely between the group of economically developed countries and a great number of developing countries, aggravated all national conflicts and in a great deal was determined by it. In the conditions of nuclear weapon as well as economic and ecological problems, the national conflicts assume especially dangerous character. The national conflicts became a nutrient medium for modern terrorism. These conflicts are also the reason for emergence of very aggressive trends in religions. Nowadays it became obvious for everyone that we need some fundamentally new approach to the problems of nation and to the problems of the national states.

The most important problem and extremely difficult task for today's Ukraine is the preservation of territorial integrity and in this regard the development of political national strategy. In the new geopolitical conditions, which are characterized as real processes of changing of the world order, it is especially important for the modern state constructions to solve the problems of national and regional security. And now this is the main problem in the political strategy of the Ukrainian society.

In the conditions of new calls – external and internal threats for political stability of the Ukrainian society – it is necessary to study the political interactions of various actors of political process who differently regards threats to security and mechanisms of its decision. This activity is realized at a choice of national strategy of Ukraine in the conditions of the transformed social space.

Political national strategy can be identified depending on specific type of cognitive strategies, or in other words, depending on certain methodological orientations. The problem is that the corresponding political technology has to

be conformed with the accepted methodology, and it is in itself serious difficulty. As soon as we start discussing a methodological problem, we come across the wider philosophical questions.

Which explanation of the political phenomena can be admitted as an adequate and on what basis? Can the absence in concrete science (for instance, in political science) of its own specific method be regarded as admission of its scientific groundlessness? Is it really important where the method was adopted from? The most important requirement to the political method is his effectiveness in giving the results. Especially if to accept the principle of «methodological individualism» as for political sciences, the requirement of existence of any own specific method loses sense in general.

Taking this thought into account, it is possible in general to distinguish three scientific ways of formation of the political national strategy: inductive, hypothetical-deductive and synthetic.

An inductive method, that is spontaneously-traditional method, assumes stage-by-stage accumulation of empiric materials, further generalization of data, the development of specific methods of research, establishment of laws or regularities on the investigated object, verification and falsification of judgments. Almost all sciences (natural, humanitarian and social disciplines, including political science) followed mainly this way of development [2; p. 177-178].

But if natural sciences on this way achieved considerable success, the induction used in quality of the political strategy didn't yield essential results. Political sciences which practically don't use an experimental method, as well as the other quantitative ways of confirmation and refutation of its concepts, didn't give yet some theoretical knowledge which would answer all necessary signs of any standard scientific theory. Perhaps, such knowledge can appear as a result of development of the inductive direction when history many times will check in practice different political forms and institutes. However such prospects aren't absolutely clear, while a requirement in political strategy has already aroused now. As an empirical material of political sciences has tendency to quickly broadening, it should be in anyway theoretically organized and interpreted. Until such work isn't made, the political science as a strict science won't exist.

One more possible way – hypothetical-deductive – implies advancement of a hypotheses which with a high probability explains a certain circle of the phenomena, with further empirical verification of consequences from the accepted hypotheses. This way of a reasoning and action, apparently, takes place in political science. Only one Marxist hypothesis of reorganization of public life on the theoretical beginnings cost people the great many human

lives! No one theory is worth these victims. Unfortunately, the mankind paid too high price for similar historical experiments.

The third way is a «synthetic» way, which is used in more developed (in the empirical relation) fields of knowledge, and also for those subject fields of knowledge where the need in the scientific theory that solves at least some of their problems is extremely sharp. Then it would be possible «to shorten the way», to refuse the long and labor-intensive process of gradual accumulation and generalization of knowledge, and thus to use such steady national strategy which was well developed and approved. This method of formation of the theories found his application in gnoseology and gave considerable results in this field of

knowledge [3].

For example, the Ukraine could use the model of creation of the national state which is successfully used in Israel. This state was created as a symbol of revival and reunion of Jewish nation. The bases of state ideology of Israel are principles of national revival and development of society. The «title nation», which makes a basis of the state, controls all spheres of social and political life of the country – the government, banks and finances, the big and medium business, Mass-media etc.

The similar picture can be observed in the majority of other countries of the world that were built by the principle of the national state. As an obvious example, except Israel, it is possible to give an example of China and Iran. These states also follow the way of purely national cultural and historical development. Some former republics of the Soviet Union – for example, Belarus, Kazakhstan or Turkmenistan – with a confidence could be regarded as the national states. In all these states the national values and interests stand on the first place, and only then – all the other values, for example, liberal and democratic values, communistic interests or any others.

It should be noted that in general the national states are characterized by quite low crime rate and violence in society in comparison with the states where the liberal ideology dominates. The national state allows the «title ethnos» to live in the traditional cultural environment and to keep identity (in contrast, for instance, to the liberal state, which in the liberal promotion pursues purposeful policy of destruction of national values and religious foundations of society). Therefore it is worth reflecting why many states preferred a way of creation of the national state, having refused a way of construction of the classical liberal state as modern France or England.

1. Гаджиев К. С. Введение в политическую науку: Учебник для высших учебных заведений / Гаджиев К. С. – М: Издательская корпорация «Логос», 1999. – 544 с.

2. Никитина А. Г. О том, «как возможна» наука политология. Становление и основные методологические проблемы / А.Г. Никитина // Полис. – 1998. – № 3. – С. 147-156.
3. Цофнас А. Ю. Теория систем и теория познания / Цофнас А. Ю – Одесса: АстроПринт, 1999. – 308 с.

УДК 165.63

*Olga Baranovskaya***PHILOSOPHY AS AN INTELLECTUAL INITIATIVE**

Стаття «Філософія як інтелектуальна ініціатива» присв'ячена осмисленню особливого статусу філософії в наші дні та значення її академічного спадку щодо пошуків шляхів розвитку творчого і незалежного мислення.

Ключеві слова: філософія, навчання, гра, квест

Статья «Философия как интеллектуальная инициатива» посвящена размышлению об особом статусе философии в наши дни и о значении её академического наследия для поиска путей развития творческого и независимого мышления.

Ключевые слова: философия, обучение, игра, квест

The article is devoted to reflection on the specific status of philosophy in our days and the significance of its academic heritage for contemporary challenges that inspire for searching ways of developing creative and independent thinking.

Key words: philosophy, education, game, quest

Philosophy always speaks on primary, urgent, and vital things. However, as long as philosophy exists it is reproached for its perplexing overcomplication of simple things and detachment from reality. Such reproaches equally go to both pure academic philosophy and the philosophical life style though there are plenty of apologetic arguments for both.

The academic tradition in philosophy comes from and is relayed as questioning and as approaching a teacher for knowledge and wisdom. This determines the cultural status and social role of philosophy – it turns any human being into a disciple, even if his/her status is that of a founder of a teaching. Philosophical inquiry, whether it concerns fundamental objects or the superficial things of daily life represented through the game of its signs, ever turns us to diverging series of feasible and reasonable motives multiplied by our expectations or acceptable suppositions. So the space between suppositions and propositions appears to be too wide and that is why communication in philosophical discourse becomes possible only for those who are wandering in this labyrinth not too far from each other. But the very opportunity of entering this area depends on the readiness to be puzzled and an ability to respond to provocations. This makes gaming technique or game like a method of thinking and getting knowledge quite important for contemporary philosophy.

“Quest” has recently become a wide spread form of business training and also a kind of entertainment. Because of its use of representation and strategy, it can also be implemented as an educational game, aimed at improving analytic

and creative thinking, and fostering communication within group work. One of the difficulties that teachers of philosophy face is communicating the philosophical heritage in both its meaning and its applicability to everyday life to students coming from a variety of backgrounds and disciplines. This problem is exacerbated by the lack of time for even a basic program, much less additional special courses, in the Ukrainian educational system, as well as the persistence of a Marxist ideological schemes of teaching. The communication of the content of the philosophical heritage, required by both the standards of higher education and the tradition of philosophical development, is a necessity; however, overcoming the suspicion of philosophy in its connections to ideology and supposed separation from “real life” requires integrating philosophical discoveries into everyday life through the use of new forms.

The original motivation behind organizing a philosophical foot-quest at our Polytechnical University was to address these issues and to shape an entertaining form of presentation for the students, but the experience of preparing and carrying out the quests provided new methodological solutions for ordinary teaching, and had unexpected results for the involved professor’s professional growth. During the foot-quest there is an almost carnivalesque moment, a turning point of views on themes and problems, and of students’ values, priorities, and abilities. The search for “moves” in the development of the tasks making up the quest provided new and unusual prompts for later classroom discussions. It also motivated students to think on their own, initiating their creativity and research interests. Despite the game format, students seem to be much more focused and serious than they typically are in a usual class structure. This may be due to the students’ immersion in philosophical problems represented as a series of tasks and riddles during the quest.

For a foot-quest the whole of the university’s territory becomes a game area with previously chosen points (free lecture rooms, laboratories, corridors, outdoor spaces, etc.) at which game agents give tasks to players and, if the players are successful, a task-riddle that leads to the next point and the next agent. The starting and finishing times are marked for each team, with the fastest team winning. The general time results are modified with the subtraction of some minutes for exceptionally bright solutions or the addition of some minutes for incorrect solutions. The games usually run for four or five hours, and were organized outside of regular class times.

“Quest” is an extracurricular activity, but as we usually have more interested students than available resources there is a month long preparation for students that also acts as a selection process. A month before the game the quest theme is announced. The basic tasks for preparation for the quest requires learning about specific philosophical trends, terms, and notions, and reading additional

literature or viewing films. At the end of the selection process we typically have twelve to fifteen teams of five, which is the optimal number of players. We have found that although there can be different numbers of players on the teams, since the quest conditions should be equal for all the teams the quest runs more effectively if there is the same number of players on each team. Each team develops its own name and logo for registration.

To date, the philosophy department of the Odessa Polytechnical University (Ukraine) has run four quests with three teachers and a few senior student assistants: “Philosophy begins from surprise,” “Welcome to reality,” “Language games – games of mind,” and “Homo ex machina.” Each subject sets its own conceptual accents and methodological solutions for the game’s plot, style, structure, and content. For example, in the preparatory work during the selective tasks for “Language games – games of mind” students were asked to design advertising posters for a philosophical trend – analytic, scientism, hermeneutics, structuralism, semiology, etc. – in order to find a corresponding visual form for ideas about linguistics. The use of marketing strategies for the purpose of delving into the question of language may seem suspect, but it was pertinent given the contemporary economical orientation of specialized thinking. (One is even reminded that Kant himself did not exclude the wager as a method of estimating judgments.) The selective task for the quest “Homo ex machina” was to create a visual expression (photo-collage or poster) or write a short essay on the theme “Myths, superstitions, and rites of the machine age.”

For the quest “Language games – games of mind” we selected the most significant conceptual and theoretical points of linguistic philosophy: the constitution of reality in language games; the correlations between language and speech, verbal and non-verbal parlances; the correlation of sign, meaning, and sense; sense and interpretation; the war among languages; language as a form of life, etc. This allowed us to draw up the structure of the quest: the content and sequence of stages that represented the structures of language and understanding in symbolic form. In order to make the game structure foreseeable for players all the teams got a specially decorated instruction card at the start, which marked the direction of their way in the game with famous quotes or aphorisms:

“The most energetic language is the one, where a sign speaks before any speech...”

“In the beginning there was the Word...”

“Language is determined not by what it lets, but what it makes tell...”

“Deep inside the speech there is the hidden sense...”

“To imagine any language is to imagine a form of life...”

During the first stage the teams had to execute a task on “vidioms” – a game based on Pictionary but with idioms on the intellect, mind, and language for prompts. After working with idioms, the students worked with aporia or paradoxes – Achilles and the tortoise, the paradox of the liar, and others – and took a photo or video of their vidioms. The best afterwards had time taken off their total game time. Another task was to expose illusions or visual “puns” in Dali’s and Escher’s pictures.

During the second stage there were tasks on word-formation and on the derivation of sense from puns and word combinations. The latter, for example, looked at certain words that players had to put together into meaningful verse: code, delirium, contradiction, and rite.

To play with conceptions of linguistic philosophy, we chose the well-known tales of Carroll’s “Alice in Wonderland,” A. Miln’s retelling of “Winnie the Pooh,” and Kozlov’s “Hedgehog in the Mist” for students to reread before the beginning of the game. The familiarity of Russian speaking audiences with these texts and the openness of the texts to multiple interpretations were important for developing the sense of play necessary for the quest. The use of three works prompted us to divide the teams into three possible paths after the first stage: Alice’s path, Winnie the Pooh’s path, and the Hedgehog’s path. This allowed us to make the quest into a multi-vector one, thereby greatly increasing the versions of the tasks. The style of presenting the task and the agents’ work were developed according to the version of the task.

Some of the tasks were conceived to combine several items representing language games – play on signs or symbols, correlation among signs and between sign and cliché, puns, sense transformation, war of languages, and others. The real difficulty was finding an appropriate symbolic form for such purpose. As each of the tales has the same personage – Rabbit (Rabbit in “Winnie the Pooh,” the White Rabbit in “Alice in Wonderland,” and Hare in the “Hedgehog”) – the teams had to find and identify the one from their path tale among three true Rabbits and fifteen false rabbit-agents having apparent rabbit attributes: signed with long ears, pictures of rabbits, toy rabbits, and so on. Of course, only the true Rabbits had specific marks based on their descriptions in the tales. Besides this all our rabbit-agents had to move over the university’s outdoor territory in order to enact the troubles in searching and correlating eluding signs. The search for the true agent revealed how much our minds and our thinking depends on stereotypes and clichés of perception, and social and cultural patterns of expounding signs. In addition to fulfilling the task given by the true agents, the teams had to find the same agent for a second time and for another task. Of course, the agent had already changed his location – in such way we tried to demonstrate the elusiveness of sense. The search for the true

rabbit-agents also gave rise to many funny situations when teams chose a false rabbit-agent and had to do an absurd task, finally receiving dismissal with the auction house cliché “May you win next time!”

At this stage the task was to work on the texts to see “the war of languages” For the first part students had to identify the abstract of their text out of the three (which had been radically changed). For the second part of their task the students had to restore the initial text from a transformed abstract of their tale in which technical and scientific term and expressions had been substituted for words and phrases. Students had to figure out the alien formulas and return as closely to the original text as they could.

In our age, the sheer volume of available information and data constrains people to rely on trends and pre-existing structures in reading and receiving information to make sense of the otherwise overwhelming amount of data. People lose the ability to trace, to single out something significant by themselves. For this reason the quests were designed to force players to be extremely attentive to signs and hidden information in riddles. For example, each Alice path team received a doughnut wrapped in a piece of paper covered in numbers and letters that resolved into the code of the room they had to go to next. Similar papers covered pots for the Winnie path teams. Most of the teams assumed the papers were unimportant and tried to find the essential information inside the doughnut or pot – a few of the teams even threw their papers away and had to return to look for them. In other cases teams were given a letter of referral having a special mistake in its text or picture; the “mistake” revealed the right way to the next point.

Our quests always have a communication task in which players have to get a specific response from strangers. For the “Language games – games of mind” quest players had to find some language code (special words, phrases, emotional expressions) to persuade a stranger to do something quite unusual; for example, to loudly recite one of Winnie the Pooh’s poems at the nearest bus stop. An agent-onlooker (the team doesn’t know who it is) ascertains the completion of the task and gives out the next letter of referral or instructions. This kind of task was helpful for some of the younger players in getting over their reticence and diffidence.

In order to fulfil the task of interpreting a text players had to address to Psychoanalyst or Hermeneut (with teachers in these roles) who gave the players the abstract of corresponding tale and a shot instruction to find out its veiled sense according to psychoanalytical or hermeneutic procedures. In case the team failed it had an opportunity to ask only one specializing question for help.

The last stage of the “Language games – games of mind” quest was “To imagine any language is to imagine a form of life...” in which the teams had to restore thirty key words representing XX century civilization by the “remains of an etymological dictionary” which had only clarifications and none of the very words to be clarified (30 according to the number of letters in the Cyrillic alphabet). This part of the quest was inspired by Peter Ackroyd’s “The Plato Papers.” The fastest team could get time taken off by making what they saw as the most important symbol of our civilization out of plasticine while the other teams finished with the dictionary task.

The “dictionary” task was conceived as training for work on formal logical concepts and also as an approach to the concept of “trace” in deconstructive philosophy. The exercise of forming the symbol was aimed at bringing students to an understanding of identity. The image of a computer or its display was the most popular form, but there were also “1” and “0” representing binary thinking, “The Man in a Cave” as a symbol of loneliness and estrangement, “A Finger Pushing the Red Button” as a symbol of living under civilizational conflicts. So some of the players managed to see how rational principles generate contemporary technicism and its consequences.

This exercise urged us to select and expose to reflection conceptual points and theoretical principles of technical thinking and their humanitarian consequences in our next foot-quest “Homo ex machine.” This quest was concerned with the correlation between the artificial and the natural; mechanical and organic ways of thinking; algorithmic and heuristic styles of thinking, etc. The machine age developed specific relationships between the machine and the human being, resulting in man’s self-alienation, the overcoming of the “human factor” in technological progress. And, vice versa, we have the anthropomorphization of technical devices and even the moralization of machine functions (as if a device could have a will for good or evil)¹, the shaping of human life patterns by machine patterns, and the aesthetization of the machine. These points were taken for developing the content and structure of the game, which goal was to bring students to the recognition of the background, mainsprings, and the power of technical thinking. Some motifs, themes, and hints for the quest came from works popular among students such as “The Matrix” and “The Hitch Hiker’s Guide to the Galaxy” by Douglas Adams and others.

Quests have proved to offer valuable experience and a matter for analyses. To be sure, the class format enables students to develop many necessary skills – to distinguish between the essential and the accidental, to identify the problem and its possible solutions, to make conclusions taking into account different arguments or approaches and so on. However, the quest format sets up a

provocative, and much more active and vivid condition for developing these skills. The undoubted advantage of the foot-quest is that students are actively immersed in a living space while searching for solutions, and not isolated in a university room. Of course, the game area has its own conventions and limitations, but despite these the special atmosphere created by the quest conditions intensifies the players’ keenness of observation, and creative and critical thinking.

The work of putting together a quest presents real challenges for teachers as it demands quite new points of view on known subjects, ideas, and trends, to direct the imagination to solutions, presenting the project, finding links among different conceptions, designing the tasks and judging the participants. Thus quest has also proved to be a rather effective way of teaching teachers.

¹It should be noted that the Greek “mechanike” and the English “device” have further connotations of “trick” or “ruse.”

УДК 101.1:316.32:378

Наталія Рибка

ІНСТИТУЦІЙНИЙ ВИМІР ОСВІТНЬОГО ПРОСТОРУ У ГЛОБАЛЬНОМУ ІНФОРМАЦІЙНОМУ СУСПІЛЬСТВІ

В статті, в межах інституційного аналізу, здійснюється дослідження особливості формування освітнього простору в контексті сучасних глобалістських процесів та процесів інформатизації.

Ключові слова: освітній простір, вища освіта, глобалізація, інформатизація, інституціалізація, інститут освіти.

В статье, в рамках институционального анализа, осуществляется исследование особенностей формирования образовательного пространства в контексте современных глобалістских процессов и процессов информатизации.

Ключевые слова: образовательное пространство, высшее образование, глобалізація, информатизація, институціалізація, институт образования.

In this article, within the institutional analysis carried out research features of formation of educational space in the context of modern hlobalystskyh processes and processes information.

Keywords: educational space, higher education, globalization, information, institutionalization, institution of education.

Зважаючи на високий статус освіти в усьому світі, її загальнолюдське значення, завдання виховувати «...нові покоління ..., здатних жити у спільному ... Домі у повазі, порозумінні і співпраці на основі таких загальнолюдських цінностей, як демократія і права людини, миролюбство і екологічна безпека, солідарність тощо...» [1]. А також реалізуючи принципи та завдання Болонського процесу, як одного із напрямків інтегрування України до світових демократичних структур, учасники навчального процесу стикаються із необхідністю суттєво переорганізувати систему освіти за зразками західних держав, а також під впливом таких могутніх викликів сьогодення як глобалізація та інформатизація.

Слід також зауважити, що трансформаційні тенденції у сфері освіти вивчалась у минулому, але сучасність висуває нові виклики, які вимагають вирішення у науковому і практичному відношенні. Саме тому українські та закордонні вчені приділяють зазначеній проблемі багато уваги М. Алле, Л.А. Антонюк, О.Г. Білорус, І. Валлерстайн, В.М. Геєць, С.В. Глазьев, Н.І. Гражевська, Б.М. Данилишин, Я.А. Жаліло, П. Кругман, Д.Г. Лук'яненко, К. Омає, В.І. Мунтіян, Ю.М. Пахомов, А.В. Степаненко, Т. Фрідмен, Ф. Уєбстер, Ф. Фукуяма та інші.

Інституційний аналіз процесу становлення освітнього простору в глобальному інформаційному суспільстві дозволить поглибити розуміння процесів трансформації, інформатизації та міжнародної інтеграції в освіті.

Взагалі, проблема інституціоналізації нових світових тенденцій в розвитку змісту і форм освіти виявилася на початку 70-х років ХХ століття, ці соціальні імперативи відобразили рух суспільства до інформаційного. Відбувається перехід: від техногенної до антропогенної цивілізації. Виникають і інші принципи соціалізації особи. Освіта завжди відображає соціальні та інші відносини, які об'єктивно існують у суспільстві. Інституціоналізація освіти, тобто установа яких-небудь нових суспільних інститутів, правове і організаційне закріплення тих або інших суспільних відносин, відобразилась в достатньо відчутному різноманітті форм, наприклад, форми відкритої освіти, дистанційної освіти тощо.

За визначеною Т. Парсонсом класифікацією інститутів [3], освітній простір є інтегруючим інститутом, який орієнтований, перш за все, на регуляцію відносин індивідів з метою уникнути конфліктів або добитися позитивної кооперації. Позитивність такого підходу полягає в можливості розкриття змін в будь-якій частині соціальної системи з погляду їх взаємозалежності у всій системі як цілому.

Д. Норт [2] визначає соціальні інститути як сукупність правил і норм, котрі люди накладають на свої відносини, визначаючи, таким чином, стимули і механізми контролю. На цьому рівні головна функція норми полягає в тому, щоб формалізувати і специфікувати взаємодію членів інституту, додати стійкість і цілісність цьому феномену, а також протидіяти ентропійним процесам в суспільстві. Інститути включають як формальні правила і неформальні обмеження, так і певні характеристики примушення до виконання тих і інших. Примушення здійснюється, по-перше, через внутрішнє самообмеження суб'єкта через його переконання, менталітет; через механізм неформальних угод і домовленостей; по-друге, за допомогою загрози покарання за порушення відповідних формальних (правових) норм; по-третє, через прямі суспільні санкції або державне насильство.

Сучасна соціальна філософія ввібрала всі ці значення, підкреслюючи соціальну структуру інституту, відношення між різними групами людей: ієрархічні або рівноправні, формальні або неформальні, управління або виконання. Крім того, вона виходить із стратифікаційного характеру соціальних інститутів, їх залежності від системи виробничих відносин, діючих в суспільстві. Виявлення основних компонентів, властивих будь-якому соціальному інституту, дозволяє розкрити його як результат диференціації людської діяльності, суб'єкт певного виду діяльності і

суспільних відносин, що є групою людей з їх соціальними статусами, ролями і нормами, формалізуючими зв'язками між ними.

Таким чином, соціальні інститути – це глибинні, історично стійкі основи соціальної практики, забезпечуючи відтворення соціальної структури в різних типах суспільств.

Як відомо [4], процес інституціоналізації складається з таких послідовних етапів:

- виникнення потреби, задоволення якої вимагає спільних організованих дій;
- формування загальних цілей;
- поява соціальних норм і правил у ході стихійної соціальної взаємодії, що здійснюється методом спроб і помилок;
- поява процедур, зв'язаних з нормами і правилами;
- інституціоналізація норм і правил, процедур, тобто їхнє прийняття, практичне застосування;
- установлення системи санкцій для підтримки норм і правил, диференціювання їхнього застосування в окремих випадках;
- створення системи статусів і ролей, які охоплюють усіх без винятку членів інституту.

З огляду на приведені етапи інституалізації, можна стверджувати, що інститут освіти вже пережив декілька суттєвих трансформацій: так істотно змінилась освіта з винаходом друкувальної машини та поширенням друкованих матеріалів. Ще також значуща перебудова відбулась в умовах індустріалізації та усвідомленими потребами у грамотній та дисциплінованій робочій силі, що викликало появу принципів загальності та обов'язковості освіти, які були покладені у фундамент сучасної системи освіти. Таким чином, можна вважати, що час від часу члени суспільства або соціальної групи можуть збирати, систематизувати та надавати легальне підтвердження цим практичним навичкам і зразкам, у результаті чого інститути змінюються й розвиваються.

Таким чином, ідея створення освітнього простору (яка реалізується за допомогою прийняття на міжнародному рівні комплексу заходів по уніфікації законодавства) є, по-перше, ідеальним проектом освіти, оскільки освіта як соціальний інститут – це не скостенілий набір норм і цінностей, соціальних ролей, а безперервний процес кристалізації і зміцнення норм, що пройшли перевірку на їх соціальну значущість, їх накопичення і деінституціоналізації, виведення з сфери функціонування вже віджилих норм. Причому старі норми відроджуються відповідно до нових умов, соціальних й ідеологічних потреб суспільства.

По-друге, на сучасному етапі трансформування системи освіти (трансформаційні тенденції виникли під впливом потужних глобальних

інтегративних та інформаційних тенденцій та втілюються у реальні суспільно-політичні події) відбувається завдяки створенню міжнародних освітніх організацій.

Таким чином, актуальним постає соціальний масштаб освіти як соціального інституту та, в зв'язку з цим, інституційний аналіз освіти, який виявить причини, з яких традиційна система освіти є неспроможною виконувати задачі, висунуті сучасністю, ті засоби, що розпочаті для удосконалення системи освіти, для приведення її у стан, що відповідає вимогам науково-інформаційно-технологічного прогресу.

Важливість освіти й освітнього співробітництва в розвитку і зміцненні стійких, мирних і демократичних суспільств є універсальною і підтверджується як першорядна, особливо в зв'язку із ситуацією в південно-східній Європі. Процеси трансформування за принципами Болонської декларації повинні дати можливість європейській системі вищої освіти здобути всесвітній рівень привабливості, що відповідає її екстраординарним культурним і науковим традиціям.

Завдяки процесу створення єдиної системи освіти у Європі – «Болонському процесу», що відбивається у запровадженні таких принципів в освіті як: розширення освітніх можливостей для учнів та забезпечення всіх рівними умовами навчання, впровадження безперервної освіти; забезпечення умов для найповнішої реалізації природних можливостей учнів, забезпечення раціонального та результативного функціонування шкільної освіти; поступово реалізуються інтеграційні процеси у сфері вищої освіти європейських країн, у котрих Україна бере активну участь.

В зв'язку з чим перспективи інтеграції системи освіти України в європейські структури є стратегічною метою зовнішньої політики України. Орієнтація України на інтеграцію в ЄС визначається багатьма міркуваннями. Поряд з гуманітарними аспектами вона визначається тенденціями розвитку світової економіки, економічними інтересами держав, необхідністю ефективно використовувати індивідуальні природні переваги. Саме ці фактори, політико-економічні і соціально-культурні стандарти країн-членів ЄС, і визначили курс України на європейську інтеграцію. Крім того, такий зовнішньополітичний вибір відповідає національним інтересам України, забезпечує нову якість розвитку українського суспільства в третьому тисячоріччі.

Інтеграція України в ЄС у гуманітарній сфері є неодмінною складовою повернення України до європейської цивілізації й відновлення її європейської ідентичності. Впровадження європейських норм і стандартів у культурі, освіті, науці і техніці, інтеграція в загальноєвропейське

інтелектуально-освітнє і науково-технічне середовище буде сприяти прогресу українського суспільства.

Інтеграція України в ЄС також відповідає соціальним потребам нашого суспільства. Україна орієнтується на високі європейські стандарти в сфері забезпечення прав людини, соціального захисту, охорони здоров'я, освіти, охорони навколишнього середовища. Від європейської інтеграції України, крім адаптації національного законодавства до норм ЄС, економічного розвитку, стабільності і внутрішньополітичної згоди, можна також очікувати реформування систем страхування, охорони здоров'я і праці, пенсійного забезпечення, політики зайнятості й інших галузей соціальної політики відповідно до норм ЄС, що також торкається освітньої галузі.

Таким чином, однією з найбільш примітних тенденцій сучасного світу, що динамічно розвивається, є прагнення до інтеграції в сфері освіти. Інтеграційні процеси базуються насамперед на професійній та академічній мобільності – обміні студентами, аспірантами, стажистами, викладачами, ученими між освітніми установами практично всіх країн світу. Цей глобальний феномен поставив перед практикою міжнародних академічних обмінів і соціально-професійної мобільності непросту проблему взаємного визнання і порівнянності документів про освіту. Проблема ностріфікації й еквівалентності документів про освіту – це, насамперед, проблема міжнародних відносин.

Аналізуючи законотворчі процеси, в зв'язку з глобальними трансформаціями у суспільстві та виробництві у області освіти, помітно виділяються тенденції акцентування пріоритетного положення системи вищої освіти, про це свідчать інтенсивні міжнародні процеси по ностріфікації документів з освіти. Така тенденція цілком відповідає тому місцю яке займає саме підсистема вищої освіти у системі освіти взагалі та її взаємозв'язок зі сферою економіки, підсистема вищої освіти напряму підпорядкована сфері економіки.

Головна причина активізації досліджень вищої освіти в усьому світі – швидке зростання її суспільного значення, перетворення в особливо важливе знаряддя підвищення якості людського капіталу сучасних країн, соціальної і виробничої компетентності всього активного населення, отже, основи стійкого прогресу в умовах переходу від індустріальної до постіндустріальної (інформаційної) суспільної стадії.

Принципи безперервності в освіті (про них докладніше мова буде у наступному параграфі) відбивалися в

рекомедаціях Центру по культурному співробітництву Європейської Ради і зазначалось, що, в економічному змісті, знання є істотною формою приросту капіталу. Тому за визначеними межами корисності інвестицій в освіту, до початку роботи, стрімко знижуються. А інвестиції в повторну освіту дають більш високий прибуток

Досить розповсюдженою є, наприклад, точка зору, висловлена П. Скоттом [5], що всі університети утягнуті в процеси глобалізації, частково як об'єкти і навіть жертви цих процесів, а почасти як суб'єкти або як головні посередники.

В усіх країнах відношення до глобалізації в силу історичних, політичних, культурних і економічних особливостей істотно розрізняється. Але, навчальні заклади повинні швидко пристосовуватися до впливу глобалізації і поширення нових технологій. Подібне відношення до процесів, що відбуваються, і в інших країнах (США, Австралії, Новій Зеландії), де реформа систем освіти пронизана ідеями глобалізації, що, у свою чергу, сприяє стандартизації систем знань і конвергенції їхніх навчальних структур

Системи освіти в будь-якій країні покликані сприяти реалізації основних завдань соціально-економічного і культурного розвитку суспільства, тому що саме школа і вуз готують людину до активної діяльності в різноманітних сферах економічного, культурного, політичного життя суспільства. Здатність освітньої установи достатньо гнучко реагувати на запити суспільства, зберігаючи при тому накопичений позитивний досвід, має дуже велике значення. Як видно із вище сказаного, погляди політиків, спеціалістів, педагогів різних країн світу на розвиток систем освіти досить близькі, так як постіндустріальному суспільству необхідні люди, які можуть самостійно мислити, здатні до самореалізації, зрозуміло, на основі об'єктивної самооцінки.

Таким чином, перехід від індустріального до інформаційного суспільства призводить до істотних змін в багатьох сферах людської діяльності, зокрема:

- змінюється характер розвитку, придбання і розповсюдження знань;
- відкриваються можливості для оновлення змісту навчання і методів викладання;
- розширяється доступ до вищої освіти;
- змінюється роль викладача в учбовому процесі (постійний діалог, що перетворює інформацію в знання і розуміння).

В зв'язку з цим у світі відбуваються глибинні і об'єктивні процеси формування освітнього простору. Створюються міжнародні освітні організації, спеціалізовані відкриті університети (наприклад, Болонський процес, Каталонський відкритий університет, Британський відкритий університет і ін.). Пошук відповідної організаційної структури і установ освіти (особливо освіти дорослих), які забезпечили б перехід від принципу «освіта на все життя» до принципу «освіта крізь усе життя», – найважливіша проблема XXI століття.

Забезпечення можливості для отримання вищої освіти і навчання впродовж всього життя, надання права вчитися, вільного вибору місця, часу і технологій навчання в рамках освітнього простору, разом з індивідуальним розвитком і соціальною мобільністю, дозволяють зберігати, розвивати і поширювати національні і регіональні, міжнародні й історичні культури в умовах культурного плюралізму, сприяти вихованню молоді у дусі цінностей, що становлять основу демократичної громадянськості. Відкритість освіти припускає: відкритий вступ у вищий учбовий заклад (як правило, без аналізу початкового рівня знань, без вступних випробувань; політика «відкритих дверей»); відкрите планування навчання (свобода складання індивідуальної освітньої траєкторії – модулів з системи учбових курсів відповідної програми); свободу вибору викладача (визначення того викладача, який найбільшою мірою потенційно відповідає потребам, особливе надалі, коли навчання може перейти в освітній консалтинг); свободу у виборі часу, ритму і темпу навчання (прийом на навчання протягом всього року, відсутність фіксованих термінів навчання); свободу у виборі місця навчання (самостійний вибір території навчання).

Освітній простір орієнтований на масовість і загальнодоступність, незалежно від соціального статусу, територіального розташування, обмеження в цивільних правах тощо; на забезпечення широкого доступу до національних і світових освітніх ресурсів; на можливість отримання другої освіти, наприклад, економічної освіти фахівцями природничонаукового профілю, технічної освіти фахівцями медичного профілю і т.п. Ця система повинна стати таким соціальним інститутом, який був би здатний надати людині різноманітні освітні послуги, що дозволяють вчитися безперервно, і забезпечити можливість отримання сучасного професійного знання. Подібна система дає можливість кожному збудувати ту освітню траєкторію, яка якнайповніше відповідає його освітнім і професійним здібностям, де б територіально він не знаходився. У результаті повинна бути сформована асоціація (консорціум) пов'язаних один з одним учбових установ, яка забезпечує створення простору освітніх

послуг, взаємозв'язок і спадкоємність програм, здатних задовольняти запити і потреби населення. Таким чином створюється можливість багатовимірного руху фахівця в освітньо-професійному просторі, розвитку через навчання і функціонування постійного освітнього професійного консалтингу.

Згідно з доведеним фактологічним матеріалом можна стверджувати, що процес інституціоналізації освітнього простору знаходиться в стадії «інституціоналізації норм і правил, процедур, тобто їхнє прийняття, практичне застосування» плану інституціоналізації. Адже такі значні процеси, як Болонський процес, що захоплює Європу, створюють підстави для втілення реалізації на міжнародному рівні мети та задач освіти майбутнього.

У частині «установлення системи санкцій для підтримки норм і правил, диференціювання їхнього застосування в окремих випадках» та «створення системи статусів і ролей, які охоплюють усіх без винятку членів інституту», вищезгаданого плану інституціоналізації освітнього простору, знаходиться теж у стадії становлення та опрацювання. Більш конкретні дослідження у цьому напрямку ми маємо здійснити після пояснення та конкретизування походження поняття освітній простір та чинників його формування.

Таким чином, освітній простір знаходиться у стадії становлення, як інституційного, так і щодо розповсюдження та утвердження ідеї «освітнього простору» і їх практичної реалізації по різних регіонах світу.

1. Андрущенко В. Конституціоналізація освітнього простору Європи: аксіологічний вимір / В. П. Андрущенко, Т. В. Андрущенко, В. Л. Савельєв. – К. : «МП Леся», 2014. – С.428.
2. Норт Д. К. Институты и экономический рост: историческое введение/ Даглас К. Норт. // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 69—91.
3. Парсонс Т. О структуре социального действия/ Т. Парсонс : Пер. с англ. – М.: Акад. проект, 2000. – С.407-408.
4. Радугин А.А. Социология: курс лекций/ А.А. Радугин, К.А. Радугин. — 3-е изд., перераб. и дополн. — М.: Центр, 2000. — С.150-155.
5. Скотт, П. Глобализация и университет / П. Скотт // Alma Mater. – 2000. – № 4. – С. 3–8.

УДК 130.2 *Людмила Саввина, Марина Саввина*
**К ВОПРОСУ О ГУМАНИЗМЕ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ:
 ДИАЛЕКТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
 ЭКОНОМИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ В
 ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ**

Автори аналізують ціннісні пріоритети і установки ринкової економіки пострадянських держав як феномена, що має не тільки соціальну сутність, а й духовний аспект. Автори розглядають проблему діалектичного взаємозв'язку ринкової економіки та суперечливого розвитку в рамках глобалізації сучасної освіти в контексті гуманістичних цінностей і мотивів.

Ключові слова: *глобалізація, постіндустріальне суспільство, філософія економічних цінностей, відповідальність, моделі споживання, гуманізм в освіті».*

Авторы анализируют ценностные приоритеты и установки рыночной экономики постсоветских государств как феномена, имеющего не только социальную сущность, но и духовный аспект. Авторы рассматривают проблему диалектической взаимосвязи рыночной экономики и противоречивого развития в рамках глобализации современного образования в контексте гуманистических ценностей и мотивов.

Ключевые слова: *глобализация, постиндустриальное общество, философия экономических ценностей, ответственность, модели потребления, гуманизм в образовании.*

Value priorities and the installation of post-Soviet states' market economy as a phenomenon that has not only a social nature, but also the spiritual aspect, are analyzed. The problem of the dialectical relationship of the market economy and the controversial development of the globalization of modern education in the context of humanistic values and motives is considered.

Keywords: *globalization, post-industrial society, philosophy of economic values, responsibility, consumption patterns, humanism in education.*

Стремительное нарастание мирового глобализма (европеизации) в начале XXI века выводит на первый план среди других глобальных проблем современности проблему сохранении духовно-нравственной природы человека. Определяя значимость культуры как фактора развития современного общества, Л. Харрисон писал «...почему одни страны и этнические группы живут лучше, чем другие?». Он определил причину: «...главным различием между этническими группами являются ценности и установки – культура» [11, с.16]. Обычно нации консолидируются при наличии общей идеи: это или большая опасность, или большая гордость

У советских людей было много исторических событий и достижений, вызывавших чувство гордости. Часть их осталась в прошлом, часть оказалась иллюзией. Новый эксперимент в России – построение демократического социализма - не вселяет надежды на успех [12, с. 22].

Рыночная модель основана на ответственности индивида за свою судьбу. В своем повседневном поведении гражданин может занимать две позиции по отношению к себе и внешнему миру: позицию ответственности и позицию жертвы. Либо он считает, что ответственен за все, что с ним происходит, либо винит во всем внешние факторы. Менталитету граждан постсоветского пространства гораздо ближе позиция, основанная на патернализме и ответственности власти за все происходящее [12, с. 24].

Нужно признать, что труд в Украине, России, Приднестровье не стал основой благосостояния индивида. Главным инструментом позиционирования в России является не собственность и труд, а власть. Отсутствие уважения к труду и частной собственности не стимулирует к сбережениям. Население и особенно элиты – представители бизнеса и власти – все больше нацелены на рост потребительских доходов. Существуют две основные модели потребления: «западная», в которой высокая производительность труда сочетается с высоким уровнем потребления, и «восточная», где низкая производительность труда соответствует порой нищенский уровень потребления благ. Российский, украинский вариант оказывается самым рискованным: при низкой производительности труда мы претендуем на высокий уровень потребления. Стандарт неразумного потребления задается в обществе сверху [12, с. 25].

Мотивацию и приоритеты системы образования в России, обслуживающего рыночную экономику, определил Министр образования России А.А. Фурсенко: «...недостатком советской системы образования была попытка формировать человека-творца, а сейчас задача заключается в том, чтобы взрастить квалифицированного потребителя, способного квалифицированно пользоваться результатами других» [9, с. 74].

Создать мотив к труду и накоплению крайне сложно, особенно в обществе, вышедшем из социализма. Разрушить мотив и создать мотив к дележу и потреблению намного проще. Надо создавать правильные мотивы. Создавать условия, чтобы в обществе хорошо жили те, кто работает. Формировать ответственность индивида за собственную судьбу. Важно рассматривать все, что делает государство, с точки зрения воздействия на мотивы людей [12, с. 25].

Как предупреждал С.Н. Булгаков еще в 1912 г., субъектом хозяйства, носителем хозяйственной функции может быть в конечном итоге «только... живое единство духовных сил и потенций» [1, с. 256]. В еще большей степени это относится к современному миру и тем более к России, особенно если иметь в виду развитие подлинной экономической культуры. Вся русская философия хозяйства и собственности развивает здесь главную мысль о том, что «собственность, по природе своей, есть начало духовное, а не материальное [2, с. 303-304]. Но не стоит забывать, что в хозяйственно-экономической деятельности творится не только культура, но и политика как источник ее антипода – отчуждения [3].

Главенствующая роль в будущем цивилизации принадлежит духовным, нравственным ценностям и нормам, которые текущая глобализация отодвигает на обочину человеческого развития [6, с.270]. Только образование может спасти человека от всеобщей инфантильности, ибо оно стимулирует рост и взросление сознания [6, с.184]. Образование реализует две важнейшие общественные функции: 1) призвано воспроизводить социально-профессиональный состав, социальную структуру общества, 2) поддерживать и развивать культурное наследие и духовный потенциал [6, с. 215].

Потеря интереса и доверия общества к образованию детерминируется, выделил рядом глубинных причин:

- неприемлемая для высокоразвитого общества тенденция к «тотальной коммерциализации» образования и науки;

- снижение веса образования и науки в общекультурном формировании и развитии общества;

- тотальная коммерциализация образования в целом, университетов в первую очередь, ориентируют общество на производство предельно практического, утилитарного знания;

- интеллектуальный передел мира, который ускорился после окончания «холодной войны», который включает в себя три стороны:

- а) перераспределение интеллектуального потенциала человечества между странами;

- б) перераспределение интеллектуального знания между областями знания – естественнонаучного, гуманитарного и вненаучного;

- в) перераспределение интеллектуального потенциала между образовательными, научными и культурными учреждениями, с одной стороны, деловой и производственной сферами, т.е. сферами, не производящими нового знания, с другой стороны [6, с. 192-193].

Система образования в советское время была встроена в общую социально-экономическую систему государства. Она имела гигантскую «избыточность», например, из миллионов выпускников технических вузов

получалось не слишком много хороших инженеров и вовсе ограниченное число «генераторов» нашего тогдашнего прогресса. Вузы давали в основном только научную базу, теоретическую подготовку будущего инженера. Итогом осуществления всех этих принципов было формирование разносторонних мобильных специалистов, которые могли решать задачи невероятной сложности. Однако такие качества работников социалистическому обществу не были нужны (идеологически вредны любые посторонние идеи в умных головах) [4, с. 66].

Следствием этой ситуации стало нарушение принципов гуманизма, в основе которого лежит право каждого индивида не только на получение доступа к знаниям и образованию, но и его дальнейшее развитие с учетом способностей. В 1957 г. в вузах СССР на гуманитарных факультетах, а также на механико-математическом и физическом факультете МГУ при несложных экзаменах у наиболее подготовленных (способных) абитуриентов не было возможности выделиться. В результате они терялись среди множества студентов, набравших 25 баллов, и могли оказаться среди непринятых [4, с.72].

Рискованные реформы образования при Н.С. Хрущеве и ошибочные решения в образовании (Закон 24 декабря 1958 г. «Об укреплении связи школы с жизнью») предусматривали упразднение 9-10 классов средней школы. После 8-го класса молодежь отправлялась на производство, поощрялось совмещение работы с учебой в вечерней школе. Последствия таких реформ проявили себя далеко не сразу [4, с. 73].

Логическим следствием пренебрежения советских чиновников от образования к вступительным экзаменам при приеме в вузы стало убеждение, что в вузе могут учиться все, кроме умственно отсталых. В отдельные годы имелась многочисленная категория абитуриентов, которым было достаточно набрать все тройки на вступительных экзаменах для зачисления в ведущие вузы страны. Имелось в виду, что нет плохих учеников, есть плохие учителя [4, с. 57].

Таким образом, средняя школа перестала выполнять селективную роль. Аттестат зрелости перестал означать, что его обладатель способен учиться в высшей школе. Требование «учить всех» было понятно и его выполнение легко проверялось. Требование «учить хорошо» вроде бы тоже понятно. Все должны усваивать школьную программу. Но как это проверить? На экзаменах. В общем, возникла характерная для бюрократизированной системы ситуация - выполнение требований к средней школе «учить хорошо» проверяла сама школа - по выпускным экзаменам, по отсутствию отсева и т.д. [5, с. 61].

В 1969 г. в СССР были образованы подготовительные отделения, которые принимали молодых людей, имеющих производственный стаж, прочувшившись с вузовскими преподавателями год и сдав экзамены на тройки, молодой человек зачислялся в вуз. Почему у него должно было быть преимущество перед теми, кто не занимался с преподавателем и сдал лучше? [5, с. 95]. Таким образом, в советской системе образования принцип равенства учеников и студентов в получении образования подменял и дискредитировал принцип гуманизма как основы духовного развития, самосовершенствования, обновления – необходимых факторов взросления индивида и формирования личности.

Современная система образования на постсоветском пространстве переживает серьезные трудности. Кто приходит из школы в вуз? В большинстве случаев только подготовительные курсы и репетиторы подтягивают выпускников школы до необходимого для поступления уровня. Но это уровень, необходимый для сдачи экзаменов. Ни глубины, ни универсальности подготовки современная школа, как правило, не дает. Учебный процесс и в школе, и в вузе стал именно процессом, причем внешним по отношению к студенту [7, с. 97].

В советское время существовали антистимулы хорошей работы. При почти одинаковой зарплате у лучших и худших работников, имело смысл работать как можно меньше [7, с. 99]. Несомненно, дискредитация стимулов к эффективному труду и достойной оплате за него, «уровниловка» не способствовала гуманизации труда и его производительности, не повышали достоинство и чувство самостоятельности работника, гражданина.

Все это также формировало чувство социальной несправедливости в общественном сознании людей, что находило отражение и в отношении к образованию, профессиональному росту, кардинально меняя мотивацию к получению образования на протяжении многих десятилетий. Существует мнение, что положение в образовании спасет всеобщая компьютеризация. Надо понять - чего мы хотим. Надо, чтобы школьники отдавали себе отчет, что компьютер все же лишь инструмент. И он сам ничего не создаст.

Очередная панацея – «болонский процесс». Двухступенчатая система образования обеспечивает скороспелую специальность, которую легко получить и сменить. И от самого обучаемого ни «семи пядей», ни больших усилий не требуется. Но это все-таки подготовка «квалифицированных технических ремесленников», это то, чем в прежние годы занимались продвинутые ПТУ и техникумы. Неизвестно, как изменятся требования к специалисту в ближайшие несколько лет. Как раз добротное среднее и

вузовское образование и может создать надежный фундамент для позднейшего перепрофилирования специалиста.

Когда общество на переломе, нельзя определить, какие специалисты будут нужны хотя бы лет через десять. Безусловно, рыночные отношения оказывают влияние на систему образования. Но рынок и в более простых случаях работает неудовлетворительно. Тем более – в образовании, где результат не скоро, а критерии размыты.

Скороспелые реформы образования опасны. Эксперименты в системе образования – это знамение нашего времени. Система образования консервативна. И это ее ценное свойство. Она создает культуру. Методы образования нельзя менять по прихоти малообразованных экспериментаторов.

В системе образования поменялись приоритеты. Многие ученики школ лишь теоретически понимают, что когда пойдут работать, деньги им будут платить не за оценки в дипломе, и даже не за знания. И даже не за умения их применять... за умения решать те проблемы, которые волнуют шефа. А вот решать реальные проблемы их почти не учат. На деле учащиеся больше всего заботятся об оценках. Ничему нельзя научить насильно [7, с.102]. Это не от того, что дети ленивы и нелюбопытны. Необходимо создать мотивацию. Невозможно создать мотивацию в стране, которая не знает, куда идет и зачем.

Проблемы среднего и высшего образования сказываются и в развитии российской науки. Получившие образование в СССР и сложившиеся в ней исследователи в настоящее время добиваются выдающихся успехов в иной социальной, научной, технологической, организационной среде [8, с. 87].

Науку новой России Министерство образования видит как область деятельности, для которой должны быть присущи: спортивный характер - публикации, рейтинги, цитируемость, а не дело, не важные результаты, не исполнение мечты [8, с.89]. Наука трактуется как инструмент для заработка, как бизнес. Отсутствует целеполагание и приоритеты. Качество подготовки специалистов тоже утратило свое значение [10, с. 34-35]. Острый комплекс национальной неполноценности многих руководителей науки и образования заставляет их некритично перенимать западные модели. Способствует ли такое положение утверждению гуманизма как в системе образования, там и в целом в обществе? Риторический вопрос!

1. Бердяев Н.А. Философия неравенства // Русская философия собственности (XVIII-XX вв.) / Авт.-сост. К. Исупов, И.Савкин. - СПб.,1993.- С. 290-305.
2. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. - М.,1990.- 412 с.

3. Выжлецов Г.П. Философия экономических ценностей // Евразийский Международный научно-аналитический журнал. Проблемы современной экономики.- 2005.- № 3/4 (15/16).- Электронный журнал [http:// www.m-esopotyu.ru/issue.php?num=15](http://www.m-esopotyu.ru/issue.php?num=15).
4. Гольдфаин И. Об отдаленных последствиях лысенковщины // Знание-сила.- 2014.- № 7.- С. 69-74; № 8.-С.57 – 63.
5. Гольфаин И. Куда был выписан звездный билет // Знание - сила. - 2014.- № 9. – С.89 -95.
6. Икеда Д., Садовничий В. На рубеже веков. Диалоги об образовании и воспитании.- М.: Изд-во МГУ, 2004.- 272 с.
7. Красносельский С. Инженеры для наукоградов // Знание - сила - 2014.- № 9.- С. 96-103.
8. Малинецкий Г. Здравствуй, страна героев, страна мечтателей, страна ученых! / Знание - сила.-2014.- № 10.- С. 86-91.
9. Медовников Д. Научные нужды страны //Эксперт.- 2014.- № 11.- С. 72-76.
10. Фиговский О. Куда идти, как идти? Инновационное развитие для России... или для Китая? // Знание-сила.- 2014.- № 11.- С. 30-36.
11. Харрисон Д. Кто процветает? Как культурные ценности способствуют успеху в экономике и политике.- М.: Новое издательство, 2008.
12. Чиркунов О. Экономическое чудо: рынок и культура // Вопросы экономики.- 2010.-№ 9. - С. 15-25.

УДК 37.013

Татьяна Никитина

РАЗВИТИЕ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ БЕССАРАБСКОГО ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ.

У даній роботі розглядається розвиток гуманістичної спрямованості бессарабського жіночої освіти в Російській імперії в другій половині XIX-початку XX століть. Автор використовує гендерний, історичний і гуманістичний підходи.

Ключові слова: гуманістичний підхід, жіноча освіта, Бессарабія, Російська імперія.

В данной работе рассматривается развитие гуманистической направленности бессарабского женского образования в Российской империи во второй половине XIX-начале XX веков. Автор использует гендерный, исторический и гуманистический подходы.

Ключевые слова: гуманистический подход, женское образование, Бессарабия, Российская империя.

This paper describes the development of a humanistic orientation of the Bessarabian female education in the Russian Empire in the late XIXth and early XXth centuries. Author in the consideration of this issue uses gender, historical and humanistic approaches.

Keywords: humanistic approach, women's education, Bessarabia, Russian Empire.

Во второй половине XIX в. в России были проведены либеральные реформы. Россия стала на путь капиталистических преобразований, отмена крепостного права привела к развитию новых экономических отношений, что в свою очередь повлияло на политическое и нравственное сознание различных слоев общества. Распространение массового женского, наемного труда сопровождается кризисом семьи в самых низших слоях городского общества. Кроме того, оно превращает женщину в конкурента мужчине на рынке труда, обостряя напряженность в социальных отношениях между полами. Экономические преобразования вели к признанию наибольшего значения необходимости гуманистического образования обоих полов во всех культурных сферах. Одним из условий эмансипации женщин и их равноправия было получение образования. Постепенно в общественное сознание проникают гуманистические идеи, что «образование является необходимым условием равенства между мужчинами и женщинами» [5, с. 7].

В дореволюционной России развитие гуманистической направленности женского образования проходило в русле сочетания консервативных и демократически-радикальных педагогических идей.

В общественной консервативной научной среде второй половины 19 века были довольно популярны идеи о природных предпосылках неполноценности женщин. Большинство историков того периода утверждали, что женщина – существо слабое не только физически, но и умственно, а функция материнства серьезно изнуряет организм. «Существует врожденное различие между полами в умственных способностях. Женщины уступают мужчинам не только в отношении физической силы, но и в отношении умственных дарований» [4, с.7-8]. Считалось, что назначение женщины заключалось в безусловном подчинении мужчине, выполнении роли матери, жены, экономки. Поэтому проведение реформ женского образования консервативными кругами всячески тормозилось. Они полагали, что необходимо сохранять прежнюю систему закрытых сословных образовательных учреждений, обеспечивающую родителям уверенность, что их «дочери будут встречаться в школе с равными им и, что на их успехи, приёмы, поведение и манеры будет обращено особое внимание» [1, с. 19].

Особенно во время реакции усилились консервативные тенденции с назначением министра народного просвещения Д. А. Толстого, который считал, что женщина выполняет свои обязанности матери семейства тогда, «если воспитание ее будет направлено сообразно с видами и желаниями благомыслящего правительства». [2, с. 45].

Представители демократически – радикального педагогического направления развивали гуманистические идеи образования. Они наоборот, считали, что отличия полов физиологически и психологически не могут служить причиной для отстранения женщин от образования и общественной жизни. Гуманистической основой образования является идея потребности каждого человека независимо от пола в образовании. А решение вопроса об уравнении в правах мужчин и женщин можно достичь радикальным революционным переустройством общества.

В России по сравнению со странами Западной Европы государственный фактор был господствующим, в силу специфики государственного устройства.

В 60-х годах 19 века консервативные тенденции уступают свои позиции усилившемуся реформаторскому курсу страны, социальной опорой которого стала либерально и демократически настроенная общественность. Реформа женского образования стала одной из первых радикальных школьных реформ. В России сформировалась разветвленная система среднего школьного образования, достаточно массовая. Но

средние школы по-прежнему оставались доступными только для девочек из состоятельных семей. Однако в обществе всё активнее обсуждается вопрос о доступности обучения в начальной школе девушек из народа, их стали обучать в бесплатных воскресных школах совместно с мальчиками. Однако девочек в школах обучалось еще крайне мало.

Министерство народного просвещения было вынуждено под давлением общественности признать необходимость открытия хотя бы в губернских городах таких женских учебных заведений.

На территории Бессарабии были открыты частные женские пансионы и то не во всех уездных городах, где обучались в основном дети дворян и чиновников, а государственных школ до 60-х годов не было.

Дальнейшее развитие начального образования в России и Бессарабии связано с «Положением о начальных народных училищах», утверждённого 19 июля 1864 года, все начальные школы перешли в ведение Министерства народного просвещения. Данное положение определило цель начальных народных училищ – «утвердить в народе религиозные и нравственные понятия и распространить первоначальные полезные знания». В училищах должны преподаваться: закон божий, чтение «по книгам гражданской и церковной печати», письмо, четыре арифметических действия и где возможно, церковное пение. Всё преподавание должно вестись на русском языке. Продолжительность обучения в положении не указывалась – фактически это 2-3 года. Обучаться в них могли дети всех сословий, и допускалось совместное обучение.

Положение 1864 года запрещало преподавание на родном языке в Бессарабии, и всё же стимулировало общественную инициативу и инициативу частных лиц, и способствовало развитию начального образования, с использованием методов гуманистической направленности.

Параллельно открывались церковно-приходские школы грамоты, находившиеся в ведении Святейшего Синода. Основная заслуга в распространении начального образования среди населения принадлежала сформированным в пореформенный период в 1864 г. органам земского управления и частным инициативам. Земства в целом выражали интересы помещиков, и буржуазии, но тем не менее, положительно повлияли на развитие народного образования.

Начало среднему образованию женщин в Бессарабии было положено в начале 60-х гг. образование в немногочисленных закрытых женских учебных заведениях могли получать лишь девушки дворянского

происхождения, а в пореформенный период стали открываться женские учебные заведения для всех сословий.

В рассматриваемый период учебные заведения открылись не только в Кишиневе, но и во многих других городах Бессарабии, преимущественно в уездных центрах. «Устав гимназий и прогимназий», был утвержден в ноябре 1864 года, он предусматривал два типа гимназий: классическую, с преподаванием - латинского и греческого, реальную - без преподавания древних языков. Также допускалось учреждение классических гимназий с преподаванием только одного латинского языка. В гимназиях устанавливался семилетний срок обучения.

В женском гимназическом образовании использовались гуманистические формы и методы работы: демократизация управления гимназиями с помощью попечительских советов и родительских комитетов; они объявлялись бессловными учебными заведениями; предоставлением им автономного функционирования и методов работы; оптимизации взаимодействия педагогов и воспитанниц на основе гуманного и равноправного сотрудничества. В гимназиях отменялись телесные наказания и расширялись функции и права педагогических советов в выборе учебных программ, методов работы и составлении учебных планов.

С развитием мужского образования, на базе частных женских пансионов начали создаваться женские учебные заведения повышенного типа: государственные, общественные, и частные. Согласно утвержденному министерством народного просвещения положению от 10 мая 1860 года о женских училищах, преследующих в основном цель сообщить ученицам то религиозно-нравственное и умственное образование, которое необходимо каждой женщине, как будущей супруги и матери семейства.

В г. Кишиневе 8 марта 1864 года Л. А. Белоугова основала первое женское училище на правах женской гимназии. В 1871 году Бессарабское губернское земство приняло гимназию Белоуговой в свое ведение с целью подготовки народных учительниц. В 1864 году в Кишиневе было учреждено для дочерей священнослужителей училище для девиц духовного звания с тремя отделениями: приготовительным, начальным и средним. В 1866 -1867 учебном году в училище открылось высшее отделение, или 3-й класс. Первый выпуск его состоялся в 1867 году, его окончили 15 воспитанниц.

В соответствии с уставом утвержденным в 1868 году, училище девиц духовного звания в 1872-1873 учебном году было преобразовано в шестиклассное епархиальное женское училище. «Учебной программой предусматривались предметы: священная история ветхого и нового

заветов, катехизис, объяснение богослужения, церковная история, русский язык, словесность, литература, геометрия, всеобщая гражданская история, русская история, физика, педагогика, чистописание, церковное пение, французский и немецкий языки, рукоделие» [6, с.29]. Как и раньше, основное внимание уделялось изучению церковных и гуманитарных дисциплин, кроме физики в учебной программе не было предметов естественноведческого цикла.

В 1870 году было издано «Положение о женских гимназиях». В осуществление этого «Положения» в Бессарабии открылись женские училища: в 1872 году в Аккермане - в составе 3-х классов, а в 1876 в Бендерах - в составе 4-х классов, которые впоследствии были преобразованы в 8-классные гимназии. В 1880 году были открыты женские прогимназии в Белграде и Измаиле и преобразованы затем в 6- и 7-классные гимназии: Белградская - в 1884 году, а Измаильская - в 1895 году. В 1894 году в Кишиневе было основано женское училище Наговской, переименованное в 1895 году в 4-классное училище II разряда.

В Кишиневе в 1895 году было учреждено училище I разряда княгиней Дадьяни» [4, с. 141]. Девушки, окончившие гимназии с золотыми и серебряными медалями или дополнительный класс, получали звание домашних наставниц, а без медалей, но со специальным курсом в дополнительном классе - домашних учительниц.

Приведенные данные говорят о том, что сеть средних учебных заведений в Бессарабии развивалась очень медленно. В начале 90-х годов на территории Бессарабии было всего лишь 8 женских средних учебных заведений, из которых: (4 гимназии, 3 прогимназии и 1 епархиальное училище). Преподавание велось только на русском языке, министерство народного просвещения, верное политике русификации, запрещало изучать родной язык. На все ходатайства о преподавании родного языка министерство реагировало отрицательно, совершенно не считаясь с нуждами местного населения. Всеобщая перепись населения в Бессарабии выявила 81,1% неграмотных, среди мужского населения и 96% среди женского. Можно сделать вывод, что женское население было практически безграмотным по сравнению с мужским. Проводимые преобразования в области просвещения были не адекватны темпам продвижения страны по пути технического прогресса.

На практике реализация содержания женского образования в России и Бессарабии во второй половине XIX-начале XX вв. выразилась в противоречивости и непоследовательности государственной политики в отношении женских учебных заведений. Но вместе с тем под влиянием общественного движения значительно выросла сеть женских учебных

заведений, наметилась основная тенденция развития гуманистической направленности женского образования с отходом от сословности к общедоступности образования.

1. История педагогики и образования / Под ред. А. И. Пискунова. – М.: Сфера, 2001.
2. История педагогики. - М.: Мысль, 1976.
3. Крачун Т.А. Развитие школы и педагогической мысли в Молдавии. – Кишинёв, 1985.
4. Мишуев. П.Г. Женский вопрос и женское движение.- С - Петербург: Типография Альшулера, 1906.
5. Родников В. Несколько исторических справок к вопросу о женском образовании. - Киев: Тип. Р.К. Лубковского, 1909.
6. Сучеван В. П. Краткий исторический очерк Кишиневского епархиального женского училища за 50 лет его существования. 1864-1914 гг. - Кишинев, 1914.

УДК 364.015

Наталья Бородина

КОНЦЕПТУАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ВОЛОНТЕРСКОЙ РАБОТЫ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ВРЕМЕННО ПЕРЕМЕЩЕННЫХ ЛИЦ ИЗ ЗОНЫ АТО

У статті запропоновано новий проект громадської ініціативи персоналізації соціальної роботи з переселенцями, який не потребує значних фінансових вкладень. Проект передбачає залучення широких верств міського населення в роботу з соціальної адаптації переселенців, що дозволить подолати проблему віктимності і соціального утриманства.

Ключові слова: волонтерство, консьюмеризм, постекономічної цінності. *В статье предложен новый проект гражданской инициативы по персонализации социальной работы с переселенцами, который не требует значительных финансовых вложений. Проект предполагает вовлечение широких слоев городского населения в работу по социальной адаптации переселенцев, что позволит преодолеть проблему виктимности и социального иждивенчества.*

Ключевые слова: волонтерство, консьюмеризм, постэкономические ценности.

This article proposes a new draft in the civil initiative personalization of social work with immigrants, which does not require significant financial investments. The project involves the inclusion of the urban population in social adaptation of migrants that will help overcome the problem of victimization and social dependency.

Keywords: volunteering, consumerism, post-economic values.

Летом 2014 года Одесса столкнулась с огромным количеством переселенцев из зоны АТО, была создана служба социально-психологической поддержки и многочисленные волонтерские фонды.

Волонтерская работа имеет глубокие корни в Одессе: многочисленные фонды курировали детские дома, пенсионеров и инвалидов. Но ситуация кардинально меняется в 2014 году. В связи с началом антитеррористической операции количество людей, нуждающихся в помощи, значительно увеличилось: в Одессу стали постоянно поступать раненные и вынужденные переселенцы из зоны боевых действий. С ранеными бойцами АТО ситуация легче – они проживают в городе непродолжительное время, после чего снова отправляются в АТО. Социально-психологических или экзистенциальных конфликтов с местным населением не возникает, население помогает им много и охотно, так как видит в них защитников и помощников. Ситуация с вынужденными

переселенцами гораздо хуже, и многие исследователи говорят о возможности «социального взрыва» в городе.

Степень разработанности проблемы: Исторически в Украине (в том числе и в Одессе) работало огромное количество волонтерских организаций, которые занимались проблемами детских домов, пенсионеров и инвалидов. Социально-философский опыт этих организаций обобщают такие исследователи, как Дибайло В., Малериус Ш., Гривняк Л., Бартоломеюссен С. и многие другие[6].

Цель данной статьи: прояснение концептуально-философских оснований волонтерской работы с вынужденными переселенцами и разработка рекомендаций по ее оптимизации.

Уточним динамику волонтерской деятельности в Одессе в 2014 году. По разным данным к ноябрю 2014 года в Одессу прибыло около 30000 переселенцев из Донецкой и Луганской областей, была создана служба социально-психологической поддержки и многочисленные волонтерские фонды.

Как отмечает один из координаторов этой службы, Екатерина Реброва: «Помогая переселенцам, многие одесситы сталкиваются с тем, что некоторые переселенцы забывают сказать «спасибо», критикуют помощь, требуют, а не просят. У добровольцев тратящих свое время, силы и средства на помощь людям из зоны АТО возникает чувство разочарования. За ним приходит раздражение и, наконец, усталость и нежелание больше помогать и вникать в истории, судьбы и проблемы людей»[4]. Объясняется это огромным массивом психологических проблем, с которыми пришлось столкнуться переселенцам: тревожность, состояние регресса, острый стресс, «туннельность мышления», психологическая лабильность и многим другим последствиям посттравматического расстройства.

Волонтерские фонды, которые в настоящий момент работают с переселенцами, предлагают им пайки еды, медикаменты, средства индивидуальной гигиены и так далее. К 1 сентября была организована выдача канцелярских товаров для школьников. Были проведены так же мероприятия по психологической реабилитации детей-сирот, привезенных из зоны АТО: арт-терапия, спортивные тренинги, работа с парикмахерами и фотографами. В октябре 2014 года Одесса получает огромный грант от ЕС, выделенный для помощи вынужденным переселенцам. Грант делится на несколько волонтерских организаций, что мгновенно раскалывает волонтерскую среду города, начинается борьба и выяснение, кто наиболее достоин гранта. В настоящее время ситуация частично стабилизировалась, деньги успешно потрачены, многие волонтеры получили дополнительно правительственные награды и политические

организации организовали систему бесплатных хостелов для переселенцев.

Тем не менее, несмотря на несомненные достижения в обеспечении и адаптации временно перемещенных лиц (ВПЛ), следует отметить огромную напряженность в городе, связанную с ростом числа вынужденных переселенцев. Проблема включает в себя несколько аспектов:

1. Многие одесситы считают именно переселенцев виновными в росте политической нестабильности.
2. Многие ВПЛ, пользуясь неразработанностью баз в волонтерских центрах, пытаются получить гуманитарную помощь одновременно во всех центрах, по несколько раз в день.
3. Многие волонтеры уже сами находятся в состоянии психологического стресса от огромного массива работы.

Итак, мы имеем 3 линии противостояния: для одесситов и волонтеров переселенцы стали безликим непрерывным потоком, который воспринимается как нахлебники. Для переселенцев волонтеры – это «кормушки», из которых надо выбить побольше «даров», а остальные одесситы переселенцами воспринимаются как «черствые бездушные люди», враждебное окружение, в которое переселенцы были брошены превратностями злой судьбы. Растет недовольство властью и социальная напряженность.

Вариант, который можно было бы предложить для сглаживания проблемы практики осуществления социальной работы с ВПЛ – это «персонализация социальной помощи». В качестве пояснения к понятию персонализация приведу высказывание работников фонда «Андикап Энтер-насьональ»: «Персонализированная социальная помощь – это осознанный и интерактивный подход, основанный на методиках личного участия лица, обратившегося за помощью либо принимающего ее»[5]. Персонализация, таким образом предполагает тщательную разработку задач и возможность адаптировать службу или механизм под каждого индивида в соответствии с его потенциалом. В данном контексте, персонализированная помощь переселенцам позволяет не только «закрыть» насущные продовольственно-вещевые проблемы, но позволяет ее объекту:

- изучить свои интересы и точнее определить свои потребности;
- научить применять свои способности, умения или формы поведения, которые могли бы принести пользу;
- находить пути для преодоления препятствий в своем личном, социальном и профессиональном прогрессе.

- стимулирует в выработке более позитивной самооценки через укрепление веры в собственные силы и убеждение в личных способностях.

- помочь в адаптации к местным особенностям и различным условиям;

Каким образом это можно было бы внедрить в современную ситуацию. Представляю поэтапный проект.

1. Создание ЕДИНЫХ баз данных о переселенцах для всех фондов. В анкетировании указывать наиболее значимые для беженцев проблемы (помощь в трудоустройстве, приобретении медикаментов и т.п.).

2. Создание базы «кураторов» - обычных горожан, которые равнодушны к проблемам города.

3. «Персональная социальная работа». Доброволец-горожанин получает координаты ровно одного переселенца и становится его куратором. В кураторство входит:

- а) ознакомительная экскурсия по городу, показ достопримечательностей, рассказ о том, как переселенцам повезло оказаться в таком прекрасном месте (способствует выработке более позитивной самооценки и снятию тревожности);

- б) совместная «культурная программа»: посещение театров, выставок, детских утренников и т.п. (способствует снятию стресса и повышению адаптации);

- в) консультирование и помощь в трудоустройстве, устройстве ребенка в детский сад/школу, постановку на учет в поликлинике и т.п. (способствует уточнению интересов и потребностей беженцев, вырабатывает умение нахождения путей для преодоления препятствий и развития своих способностей).

Создание такого рода «персональной социальной службы» могло бы существенно снять уровень социального напряжения в городе и решить значительную часть проблем вынужденных переселенцев. Но создание этой службы должны взять на себя профессиональные специалисты в области социальной работы, чтобы консультировать добровольцев в работе с беженцами.

Проясним концептуально-методологические основания нашей программы.

В XX веке одной из доминирующих тенденций развития общества становится консьюмеризм (потребительское отношение к миру). Долгое время в философской среде даже был популярный термин общество потребления, который считался главной характеристикой современной социо-культурной ситуации. Обладание товарами становится лишь

символом причастности к некой общественной группе. Идея возможности достижения социального превосходства через потребление порождает в сознании покупателя веру в то, что сам акт покупки способен доставить большее удовлетворение, нежели собственно продукт, который приобретается. представители символического интеракционизма показывают, что символическая сторона потребительства формируют новую мораль и аксиологию, в котором процесс приобретения становится главным смыслообразующим моментом жизнедеятельности человека.

Волонтерские организации Одессы становятся невольными участниками этой системы. Товары, предоставляемые ими, очень редко являются действительно жизненно-необходимыми для вынужденных переселенцев. Но сам символ того, что через использование волонтерской помощи «мы сможем подтвердить свою причастность к нуждающимся и урвать от государства хоть что-то» приводит к тому, что люди согласны выстаивать огромные очереди за пакетиком муки или набирать кульки одежды не по сезону.

Но символическая ценность волонтерских пайков имеет и позитивные стороны. Увлечение нематериальной статусно-символической стороной социальных процессов получило название эпохи «постэкономических ценностей». «Переход к постэкономическому обществу означает выход индивидуальных интересов человека из сугубо материальной плоскости и колоссальное усложнение социальной действительности, умножение многообразия моделей общественной жизни и даже вариантов ее развития во времени. Когда важнейшей целью большинства людей становится развитие их собственной личности, интересы, оказываясь неунифицируемыми, перестают быть взаимоисключающими и потенциально враждебными. Постэкономическое общество представляется с этой точки зрения как комплексное социальное состояние, потенциально свободное от непреодолимых противоречий между людьми» [1, с.37].

В свете материальных трудностей вынужденных переселенцев говорить о постэкономических ценностях казалось бы преждевременно. Но речь идет не только о данной категории населения, а о общемировых изменениях в психологии человека: изменение характера труда и межличностных отношений приводит к трансформации системы ценностей и переориентации человека на психологические, социальные и этические цели. В случае переселенцев наиболее ярко выраженным оказывается аспект перехода постэкономическим ценностям, о котором писал Э. Тоффлер: «На уровне общества подобными проявлениями новых ценностных установок стали требования общественности, высказанные

в адрес компаний, чтобы те решали, помимо экономических, также и социальные задачи»[7,с/42]. Вынужденные переселенцы требуют от бизнесменов и политиков Одессы активного участия в их проблемах, что говорит о том, что они так же мыслят постэкономическими категориями и предполагают у людей наличие не только эгоистически-материальных интересов, но и альтруистических.

Общие тенденции «постэкономизма»: «Культ духовности и спортивного развития заменил собой контркультуру, толерантная и экологическая «простая жизнь» заняла место страсти к обладанию; нетрадиционная медицина, основанная на применении медитации, трав, наблюдение за собственным организмом и своими «биоритмами» указывают на дистанцию, которая отделяет нас от hot гедонизма в первоначальном его варианте»[2,с/78].

Ч. Хэнди выделяет три психологических типа человека, ориентирующихся на стратегии «выживания», «достижения» и «самовыражения». Первые движимы поиском средств к существованию, их основная цель — финансовая и социальная безопасность, они склонны к клановости, крепко держатся за то, что имеют, архаичны и противятся переменам. Они — «остаточный продукт философии сельскохозяйственной эпохи — верхушка, середина и основание феодальной пирамиды»[цит. по 3]. Вторые — доминирующие в индустриальном обществе, ориентированные на внешний мир и внешние символы успеха, умные и образованные — материалисты, являющиеся движущей силой экономически преуспевающих обществ. Третьи — ориентированные на внутренний мир — стремятся к проявлению своих талантов и убеждений, и в их систему ценностей входит самореализация, развитие личности, качество жизни. Согласно современным тенденциям (как отмечает Ч. Хэнди, в 1989 году эти люди составляли 36 % британцев и 42 % голландцев, больше же всего людей, ориентированных на внешний мир, было среди немцев[цит. по 3]), эта категория станет основной в информационном обществе.

Среда вынужденных переселенцев сочетает в себе черты всех трех психологических типов. Потенциально волонтерские организации могут подавить в переселенцах черты первого типа и развить черты третьего типа, но для этого кроме «выдачи пайков» нужно вести большую психолого-педагогическую работу, в которую необходимо подключать широкие слои горожан, чтобы помощь была более адресной и удовлетворялись в первую очередь базовые экзистенциальные потребности в защищенности, социальной справедливости, широком круге социальных взаимосвязей.

Выводы: В рамках статьи выработаны рекомендации по оптимизации волонтерской работы с вынужденными переселенцами из зоны АТО в городе Одесса. На сегодняшний день можно отметить ряд позитивных тенденций: значительно была упорядочена база переселенцев и расширены взаимосвязи между волонтерскими организациями. Но необходим запуск в тестовом варианте проекта, в котором к работе по социальной адаптации переселенцев подключались горожане. Возможности и механизмы запуска этого проекта составляют перспективы дальнейшего исследования.

1. Иноземцев В. Л. Современное постиндустриальное общество/В. Л. Иноземцев - М.:Логос, 2000. – 185с.
2. Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме/ Ж. Липовецки. М. :АСТ, 2001. – 365с.
3. Костина А. В. Тенденции развития культуры информационного общества: анализ современных информационных и постиндустриальных концепций [Электронный ресурс]. - Режим доступа с: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Kostina_Information_Society/
4. Реброва Е. Помощь переселенцам/ [Электронный ресурс]. - Режим доступа с: http://vk.com/id22588311?w=wall22588311_1515%2Fall
5. Реландо А. Персонализированная социальная помощь: идеи, методы и инструменты для организации работы социальных служб на местах/Audrey Relandeau[Электронный ресурс]. - Режим доступа с: <http://www.as2006.ru/doc/perssochelp.pdf>
6. Розширення можливостей недержавних організацій через залучення волонтерів та створення мереж / Дибайло В., Малеріус Ш., Гривняк Л., Бартоломеюссен С. – К., 2004. – 98 с.
7. Тоффлер Э. Шок будущего: Пер. с англ. / Э. Тоффлер. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. —557, [3] с.

ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ

АФАНАСЬЄВ Олександр – докт. філос. наук, професор. кафедри філософії та методології науки Одеського національного політехнічного університету.

БАРАНОВСЬКА Ольга – канд. філос. наук, доцент кафедри філософії та методології науки Одеського національного політехнічного університету.

БОРОДИНА Наталля – канд. філос. наук, доцент кафедри філософії та методології науки Одеського національного політехнічного університету.

ЖАРКИХ Володимир – докт. філос. наук, професор, зав. кафедрою філософії та методології науки Одеського національного політехнічного університету.

ЛЕВЧЕНКО Віктор – канд. філос. наук, доцент кафедри культурології Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова.

НИКИТИНА Тетяна – ст. викладач кафедри соціально-економічних дисциплін Рибницької філії Придністровського державного університету ім. Т. Г. Шевченка.

ОПОЛЕВ Віктор – канд. філос. наук, доцент кафедри філософії та методології науки Одеського національного політехнічного університету.

РИБКА Наталля – канд. філос. наук, доцент кафедри філософії та методології науки Одеського національного політехнічного університету.

САВВИНА Людмила – канд. філос. наук, доцент кафедри соціально-економічних дисциплін Рибницької філії Придністровського державного університету ім. Т. Г. Шевченка.

САВВИНА Марина – ст. викладач кафедри іноземних мов Рибницької філії Придністровського державного університету ім. Т. Г. Шевченка.

САЧЕНКО Валентин – аспірант кафедри філософії та методології науки Одеського національного політехнічного університету.

ЯНУШЕВИЧ Ірина – канд. філос. наук, доцент кафедри філософії та методології науки Одеського національного політехнічного університету.

ЗМІСТ

Афанасьєв О. Гуманітарні науки та наукові методи	3
ОполеВ В. Феномен мышления в перспективе идеала естественнонаучной рациональности. Статья вторая	12
Жарких В. Корреляция смыслов в понятиях «коммуникация-общение»	26
Саченко В. От «нарратива» к «историческому опыту»: пути конструирования исторической реальности	34
Левченко В. Гуманістичний аспект історії філософії національної ідеї в Україні	46
Yanushevich I. Politics and problems of formation of the national statehood	56
Baranovskaya O. Philosophy as an intellectual initiative	63
Рибка Н. Інституційний вимір освітнього простору у глобальному інформаційному суспільстві	70
Саввина Л., Саввина М. К вопросу о гуманизме и ответственности: диалектика взаимодействия экономики и образования в постиндустриальном обществе	78
Никитина Т. Развитие гуманистической направленности бессарабского женского образования в российской империи во второй половине XIX - начале XX вв.	85
Бородина Н. Концептуально-философские основания волонтерской работы в контексте проблемы временно перемещенных лиц из зоны АТО	91

CONTENTS

Afanasiev A. The humanities and scientific methods	3
Opolev V. Phenomenon of thinking in the perspectives of natural scientific rationality. Article 2	12
Zharkykh V. Correlation of senses in concepts «communication - intercourse»	26
Sachenko V. From «narrative» to «historical experience»: ways of historical reality constructing	34
Levchenko V. Humanistic aspect of the history of idea philosophy in Ukraine	46
Yanushevich I. Politics and problems of formation of the national statehood	56
Baranovskaya O. Philosophy as an intellectual initiative	63
Rybka N. Institutional dimension of educational space in the global information society	70
Savvina L., Savvina M. On humanism and responsibility: the dialectics of relationship between of economy and education in post-industrial society	78
Nikitina T. The development of a humanistic orientation of the Bessarabian female education in the Russian Empire in the late XIXth and early XXth centuries	85
Borodina N. The conceptual and philosophical foundations of volunteer work in the context of the problem of internally displaced persons from the zone ATO	91

ВИМОГИ ДО ОФОРМЛЕННЯ СТАТЕЙ

- ставити проблему в загальному вигляді і зазначити її зв'язок із важливими науковими та практичними завданнями;
- аналізувати останні досягнення і публікації, що розглядають зазначену проблему і становлять передумови цієї статті;
- виділяти ті частини загальної проблеми, що доки не знайшли розв'язання і що становлять завдання цієї статті;
- чітко формулювати цілі і завдання статті;
- викладати основний матеріал із обґрунтуванням отриманих наукових результатів;
- зазначити висновки із цього дослідження і перспективи подальших розвідок у цьому напрямі;
- додавати **назву статті, анотації** (3 речення) і **ключові слова** (до 5 слів) трьома мовами: українською, російською та англійською;
- шифр Times New Roman, кегль 14, інтервал 1,5;
- обсяг статті – 14,5 тис.–22 тис. знаків;
- ширина сторінки – 16,5 см;
- лапки використовувати такі: « »;
- в разі необхідності наголос зазначити курсивом: *недоторканість* – *недоторканість*;
- список літератури розміщати після тексту статті за алфавітом із наданням **повного** бібліографічного опису без курсиву;
- посилання на джерела – у вигляді внутрішньотекстових посилань, у квадратних дужках: [2, с. 17], – де перша цифра – номер джерела із списку літератури, друга – номер сторінки з цього джерела;
- примітки поміщати у вигляді кінцевих посилань **перед** списком літератури;
- сторінки **не** нумерувати, переноси **не** ставити;
- відомості про автора надсилати окремим файлом: повністю прізвище, ім'я, по батькові, посада, місце праці, вчений ступінь, звання, адреса (службова і домашня), телефони. Адреса електронної пошти автора – обов'язково.

Невиконання зазначених вимог дає підстави для відмови в прийомі статті до публікації.

Статті до редакції надсилати за електронною адресою:

kfm.10@mail.ru

НАУКОВЕ ВИДАННЯ

Філософія та гуманізм. Вип. 2 (2).– Одеса: ОНПУ, 2015.– 102 с.

Це видання – другий випуск журналу, присвячений різним проблемам філософії та гуманізму. В статтях розглядаються філософські, культурологічні, антропологічні, педагогічні та ін. аспекти гуманізму.

Для фахівців з філософії та гуманітаристики, аспірантів і студентів-гуманітаріїв і широкого кола читачів.

Philosophy and Humanism.. I. 2 (2). .– Odessa: ONPU, 2015. – 102 p.

This edition is the second issue of the journal and it's devoted to various problems of the Philosophy and Humanism. The articles consider the philosophical, cultural, anthropological, pedagogical etc. aspects of humanism.

For philosophers and specialists on the humanities, students on the humanities and wide circle of readers.

Комп'ютерна верстка та оригінал-макет – В. Л. Левченко

Адреса редакції – Каф. філософії та методології, ОНПУ, пр.. Шевченка,
1, Одеса, Україна, 65044
e-mail: kfm.10@mail.ru

Підписано до друку 18.12.2015 р.